
Ольга Шенан
Рыбка для медведя
оборотни Эдинбурга

Эйлин Торен
Рыбка для медведя

https://litres.ru/74714217

Аннотация

ВЫШЛА НА БУМАГЕ

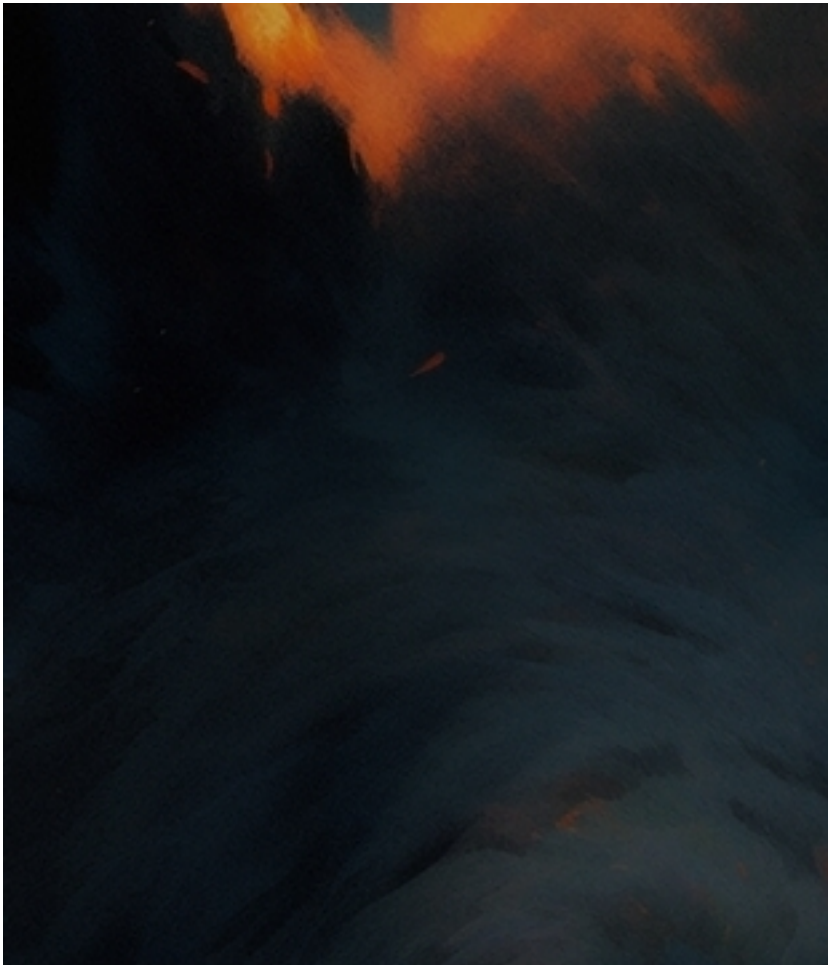
Пять лет назад, пережив трагедию, он скрылся от мира в глуши. Он не собирался возвращаться к прежней жизни, но встреча с рыжей девчонкой и нападение, последовавшее за этим, меняет его планы. Она живет в одиночестве и смотрит на мир сквозь объектив своей камеры. Но невероятное увидела собственными глазами. Тайна существования оборотней, война древних кланов за власть, внутрь которой ей суждено попасть… её приговорили к смерти вместе с ним? А он уничтожит её или будет хранить? Тот которого считают неуправляемым и безжалостным, кто не раз доказывал, насколько страшным может быть зверь, что живёт у него внутри… изменит ли она хоть что-то?

▩ Шотландия ▩ жёсткий грубый герой и хрупкая нежная героиня ▩ настоящая сильная любовь ▩ истинность ▩ стекло и драма ▩ драйв максимальный ▩ эмоционально и чувственно ▩ обязательно хороший финал

Содержание

Глава 1. Сеймур 4
Глава 2. Маккензи 12
Глава 3. Сеймур 22
Глава 4. Маккензи 34
Глава 5. Сеймур 47
Глава 6. Маккензи 55
Глава 7. Сеймур 66
Глава 8. Маккензи 81
Глава 9. Сеймур 97
Глава 10. Сеймур 115
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Глава 1. Сеймур

— Только не останавливайся, Сеймур, – проворчал, увидев сидящую на капоте припаркованной машины девчонку.

Рыженькая. Худая. Мелкая. И… А, чтоб меня!

Съехал на обочину сразу за ней. Вышел, глянул на невесёлые тучи на горизонте. В море собирался шторм. Зверь внутри меня безошибочно чуял его и без этих нависающих на горизонте пунцовых, напичканных молниями и громом, небесных исполинов.

— Привет! – попытался улыбнуться, только малышка нервно соскочила с капота, напряглась нереально, выпрямляясь по стойке смирно, словно кадет.

Страх чуял, даже не подходя к ней. Вот же… и чего во мне такого страшного?

С другой стороны, понятно – она тут одна, застряла в глуши. И да, место, может, и живописное, красота, природа… только это всё живое, что тут есть. Люди, конечно, попадаются – глядишь, проедет кто один раз за сутки, а то и того реже. И связи нет. Совсем. Потому я тут и живу.

А таким, как она, повезти просто не может.

— Привет, – всё же пискнула.

— Что случилось, знаете? – поинтересовался я, вглядываясь ненавязчиво в девчонку.

Цепляла непонятно чем. Может, просто яркая – без косметики, чёрное пальто до середины бедра, застёгнутое на все пуговицы, даже у ворота. Шарф крупной вязки. Замёрзла.

Но сидела снаружи, а не грелась внутри – топливо кончилось?

— Мне казалось, что бензина должно было хватить, – посетовала она, — но, видимо, просчиталась. Или не знаю, что такое.

И она вздохнула, а я, проходя мимо неё, подвис. Странный. Нереальный запах от неё исходил. Как дурман. Глянул на неё, получилось не специально, сурово. А она захлопала на меня своими зелёными глазищами.

Чтоб тебя, Сеймур…

В голове нарисовалось, как я её трахаю в разных позах на этом вот капоте, наматывая на руку забранные в хвост волосы.

Да ты шутишь?

Фигею сам с себя!

— Ключи? – спросил, с трудом вытаскивая себя из омута.

Ведьма? Не похоже. Только почему такой сильный страх внутри у неё? И я – не может же меня просто так крыть?

— В зажигании, – сжалась девчонка ещё сильнее.

Сел за руль боком, повернул ключ. Датчик уровня топлива показывал полный бак, но, по безуспешной попытке запуска движка, стало понятно, что топлива не осталось.

— Топлива нет, – констатировал, вставая.

Она задрала на меня голову, с досадой прикусила пухлую губу. А у меня рот слюной наполнился.

Так, Сеймур. Хорош!

— Я заправлялась, – честно сообщила мне девчонка, словно это тест, а я экзаменатор. Хотя скорее экзекутор.

— Датчик неисправен, – сам не знаю, чего я решил её успокоить.

Какое мне вообще дело?

Шторм? Накроет её тут по-жёсткому.

— Я пыталась позвонить, – она вытащила телефон, — но, если честно, не знаю куда, только и сети нет.

— Да, сети тут нет. Местами слабый приём, но в основном глухо, – подтвердил.

Она сникла совсем. Словно ждала – я вот сейчас сказал бы сделать пару шагов по дороге, место назначил, где остановиться, и сеть волшебным образом появилась бы.

— Садитесь, довезу вас, – предложил, а сам крыл себя внутри последними словами. Что-то не так. Что-то, твою мать, Сеймур не так! Зверя не провести. А девица слишком вкусная. Такого не бывает.

— Я… – она опешила, зависла на мне. Я ей как раз явно совсем не нравился. Вообще. И страх сейчас усилился, а в сочетании с её чарующим запахом, действовал на меня просто как наркота.

— Как вас зовут?

— Мейси, – пискнула нервно девчушка, потом собралась и поправилась, — Маккензи.

— Так Мейси или Маккензи? Или Мейси Маккензи?

— Маккензи моё имя, а Мейси только для своих.

— Очень приятно, – кивнул и представился, — Сеймур. У вас парень есть? – спросил, а она покраснела моментом, стала такая забавная, морковка.

— Зачем вам? – выдала вроде как возмущённо, но смешно же.

— Да неважно. Парень, родители, друзья, – закатил глаза и достал водительское. — Просто обозначьте геолокацию, потом сфотографируйте машину и опознавательное что-то. Вот, например, эти камни древние, – указал на пару могильных камней, что зарастали травой у обрыва, — они уникальные. Мои права, тоже сфоткайте. И машину мою, с номером лучше.

Она нахмурилась. Эти складочки на лобике сделали её невообразимо забавной, и мне очень захотелось узнать, сколько ей, потому что с этим озадаченным видом – не уверен, совершеннолетняя ли она вообще.

Я ухмыльнулся. Кажется, эффект на неё это произвело просто ужасающий.

— Отправьте сообщением кому-то, – пояснил, — и, как только попадём в зону, где принимает, сообщения уйдут, и ваши родные будут знать, где вы и с кем.

С этими словами направился к машине, потому что стоять с ней рядом стало невыносимо. Внутри даже появилось желание, чтобы она отказалась обязательно, и я соглашусь обязательно! А то терпеть это безумие, пусть и минут двадцать дороги, наказание же.

Кажется, мне срочно нужно в город: потусить и помять девок, а то сперма в мозги начала бить.

— Можете, конечно, попробовать подождать кого менее страшного и более внушающего доверие, но честно – гиблое дело.

— Почему? – вот странно, но на это она отреагировала и отмерла. Даже сделала фото камней и моей тачки, чтобы номера видно и меня заодно.

— Потому что, во-первых, тут могут проехать и через неделю. Во-вторых, гроза начнётся и шторм в море, холодно совсем станет, и вы в машине околеете, а в-третьих, кто сказал, что милейшая старушка не может оказаться маньячкой или помощницей кого-то такого? Вот словит вас, привезёт в гостиницу и скормит своему сыну-шизику.

— Это вы про фильм? – оживилась она и, поверить не мог, забрала из своей тачки рюкзак.

— Это я про жизнь.

— А что вам помешает, например… не знаю, – она замялась, всматриваясь в меня.

— Прибить вас? – уточнил, и она повела головой неуверенно, вроде кивая, но и нет… словно обмозговывая мои слова. — Да понятно, что ничто.

— И сообщения же не спасут?

— Конечно, – повёл головой и сел за руль. — Давайте, а то скоро ливанёт.

Девчонка всё же села, пристегнулась, вцепилась в рюкзак.

— Вы правы, – вырулив на дорогу, продолжил я. — Я могу местность тут так хорошо знать и провезти вас, что сеть ваш телефон не поймает ни разу. Стереть фотки не проблема – разблокируем с помощью пальца или лица, – хищно улыбнулся, — даже неактивного.

— У меня графический пароль, – ответила удивительно бойко.

— Тогда просто сломаю и выкину в море, – пожал плечами.

— И меня туда же? – задумчиво отозвалась она, а мне както самому стало не по себе, потому что на мгновение представил, что малышка действительно попала в руки урода какого и… клина словил, жесточайшего. — Но сначала… – запнулась и меня саданула её даже не страхом, а ужасом, ледяным, невыносимым…

— Что такое? – глянул, а у неё вся краска сошла с лица. Девчонка стала белой, как простыня, только волосы контрастом и эти веснушки… жутко, будто и правда мёртвая.

Что за дьявольщина?

Сбавил скорость, всматриваясь в неё.

— Я… просто… плохое что-то, – пробормотала совершенно потерявшими цвет губами.

— Что? – нахмурился уже я, но тут мне под колёса прилетел байк. Дал по тормозам, радуясь, что девица пристёгнута.

Шерсть моего зверя встала дыбом. Адреналин ускорил движение крови. На крышу прилетело что-то или кто-то, за-

мерло и…

Твою мать!

Когти неприятно заскрежетали по металлу.

— Это… это…

— Замри, – приказал я и выпал из машины, закрывая ногой дверь.

По мою душу пришли. По мою.

Глава 2. Маккензи

Представить, что всё станет хуже, чем было? Возможно ли? Но это же я, в самом деле.

Остановившись в городишке перед тем, как отправиться уже, наконец, в сторону Эдинбурга, я проложила маршрут, настроилась, что уже через несколько часов буду дома, однако… не тут-то было!

Сначала ко мне пристал какой-то разговорчивый местный житель.

Я-то не умею посылать людей, тем более мне ничего не угрожало – старику просто нужно общение. Он задержал меня почти на полтора часа, рассказывая местные легенды и поверия, периодически тыкая в свой видавший лучшие времена килт, говоря о том, что род его весьма древний, да и самому ему уже столько лет, что…

Меня спасла хозяйка заведения, отвлекая этого долгожителя-говорителя, а мне незаметно подмигивая, чтобы убегала скорее. Что я и сделала.

Но, отъехав на приличное расстояние от города, моя машина пару раз чихнула и, дав мне возможность съехать к обочине, встала без движения.

— Потрясно, Мейси! – вздохнула я и выбралась наружу.

Вид, конечно, живописный. Море красивое, обманчиво спокойное вдали, но бьющееся отчаянно о скалистые отвесные берега.

Я пожалела, что карта памяти в фотоаппарате забита под

завязку, но и, если честно, — ветер такой, что руки не хочется вытаскивать из карманов от слова совсем, а перчатки… чёрт, забыла в кафе!

Я вздохнула. Папа бы не оценил такого моего ворчания. Но, правда же, жутко холодно. Застегнула пальто, закуталась в шарф – мало помогало. Уселась попой на капот, чтобы было теплее, но это ненадолго. Связи нет, да и куда мне звонить?

Через полчаса сидения поняла, что надо идти, потому что с моря надвигалась буря.

Красота… солнце подсвечивало тёмные, тяжёлые тучи. Но мне не будет красиво, когда ливанёт.

Интересно, за сколько я вернусь обратно в городишко? Или, может, пойти вперёд? Там наверняка есть какие-то дома и люди в них – не оставят же меня на улице, особенно в такую непогоду?

Машину заметила издалека и сначала весьма обрадовалась, пока не увидела водителя.

— Вот это уже верх везения, Мейси, – пробормотала себе под нос, когда он всё же припарковался.

Невероятно боюсь таких мужчин.

Он вылез из машины. И славно, что не в килте был. А то…

Сколько у него рост – под два метра?

Или это у меня уже просто от страха всё в глазах повырастало? Но ручищи у него, конечно… размах плеч, и вообще

он в этой холодрыге в футболке одной!

Лучше бы он не останавливался.

Мужчина похмурился на меня, потом с таким пренебрежением заявил, что топлива нет.

Спасибо, я поняла! Сама очевидность.

Но Мейси… и нет, Мейси, нет! Тут же и правда никого. Никого! Только чайки!

Глянула на него, задрав голову, потом удивлённо уставилась на протянутые права. И правда Сеймур, только фамилию не успела прочесть, но сфоткала, как он и просил. Странно, конечно, что предложил.

Он пошёл к машине, а я вперилась в его спину. Здоровенную.

Он такой… такой… им бы лес валить. Настоящий монстр.

И мне невероятно страшно, но у меня не осталось выбора. И я сама не поверила, что согласилась с ним поехать.

Попыталась пошутить про фото, которые отправила сама себе, потому что мне некому отправлять. Совсем. Не Феоне же, в самом деле. И, вспомнив свою кузину, нервно поёжилась. А Сеймур этот ещё с таким энтузиазмом рассказал мне, как справился бы с этими мерами предосторожности, которые сам же мне и предложил.

От его присутствия в салоне Ровера откровенно тесно. И я старалась не очень в него всматриваться и не очень слушать, что он говорит, особенно, если учесть, что говорил он о том, как в море меня скинет, следом за телефоном.

И тут так некстати меня пробрало. Такое бывало со мной уже прежде. И не предвещало ничего хорошего – я замирала, дыхание становилось медленным, почти неуловимым. Я пугала всех окружающих бледностью лица и почти отключающимся сознанием. Но самое страшное то, что после таких приступов случалось что-то очень плохое.

Первый раз моего пса сбила машина. Второй — папа… и… а теперь.

Этот мужик тебя убьёт, Мейси?!

Но… я даже не поняла, что случилось, и откуда взялся перед его Ровером байк, без водителя, но летящий нам под колёса. Мой "спаситель" успел среагировать и затормозить до серьёзного столкновения, однако я полетела вперёд, а ремень остановил меня с болью и вернул назад в сиденье. Что-то упало на крышу машины, потом стало скрестись. И, если бы это не происходило со мной, то, клянусь, я бы ни за что не поверила, ни-за-что!

Но тут мужчина ругнулся, приказал мне замереть и вывалился из машины, закрыв за собой дверь.

Я оказалась внутри какой-то совершенно чудовищной сцены, зажмурила глаза и приготовилась умирать.

Ужас сковал меня льдом, ноги отнялись, руки прижимали рюкзак, словно он был тем, что может меня спасти. Только несмотря на то, что зажмурилась до белых кругов в глазах, никуда не деть звуки… а они были такими яркими, хотя окна в машине закрыты.

Скрежет, удар, ещё и ещё, кто-то визжал так пронзительно. Если бы я не понимала, где нахожусь, или что такое просто нереально, то посчитала бы, что кто-то включил в динамиках передачу канала “Энимал плэнет”. Как-то так угрожающе откликаются огромные кошки. А потом звук чего-то ломающегося, но настолько жуткий, что у меня свело тело – так ломаются кости, да?

Мейси! Боже!

Открыла глаза и они узрели что-то невообразимое. Надо бы сразу же зажмуриться, но не получилось, никак не получилось.

Перед машиной, прямо на мотоцикле, валяющемся на боку, стоял мужчина, который меня спас, в одной руке он держал зверя, или нет… на моих глазах зверь – какая-то большая кошка – превратился в обнажённого человека, и человек этот был мёртв. Тело его было в крови и ранах, которые я никогда не хотела бы узреть, но никак не могла снова закрыть глаза, зажмуриться.

“Спаситель” же этот – на нём разодранная футболка, а рука, и я не могу развидеть это, только что покрытая мехом, становится обычной рукой человека, с узорами татуировок и в крови. На его спине несколько глубоких кровоточащих ран. Он стоит неподвижно какое-то время, скорее всего очень незначительное, но мне кажется, что бесконечное. Дыхание его сначала клубится вокруг него паром, который потом исчезает.

Он оборачивается на меня. И я…

Беги, Мейси!

Я сама не поняла, как у меня получилось отстегнуться и выбраться из машины – я из неё практически выпала. Сделала шаг и споткнулась о ещё одно тело. Разодранное в клочья. Измазавшись в крови, взвизгнула.

— Не смей, – орнул мне в спину мой чудовищный попутчик. Что и кто он такое? И вот эти голые мужики?.. — Стой!

Но этот приказ только подстегнул меня – превозмогая дикий ужас, я побежала. Он ругнулся, потом я услышала рык, совершенно нечеловеческий рык. Мне казалось, что побежала быстрее, но нет… не побежала, потому что эту надежду срубила боль в районе рёбер. Он поймал меня со спины, в обе руки, поднял в воздух, я лягнулась, радостно слыша, как он рыкнул очередное ругательство.

Правда, эта моя победа не сыграла мне на руку, потому что в следующий момент меня повалили на дорогу. Мелкие камушки разодрали открытые участки тела. Кажется, моим джинсам пришёл конец. Но самое болезненное то, что он придавил меня всем своим телом. Тяжёлым, горячим нереально. Огромная ручища легла мне на шею.

Единственное, что я могла сделать, это ударить его рюкзаком, который всё ещё сжимала в руках. Прощаясь со своей зеркалкой, которую так оберегала, но жизнь… моя же жизнь, да?

— Сука! – зарычал мне в лицо мужчина, отпуская мою

шею и защищаясь от удара.

И хотя от рыка этого свело все внутренности, но я извернулась, ударила его ногой и смогла выбраться из загребущих объятий. Только он не дал мне уйти, поймал за ногу и дёрнул на себя. И я упала, смогла сгруппироваться, но всё же приложилась головой. Боль пронзила и разошлась, погружая меня во тьму.

Последнее, что я почувствовала, – огромные капли ледяного дождя, падающие с небес.

Глава 3. Сеймур

Вот это засада!

Давно меня так не прижимали.

В какой-то момент подумал, что потерял в этом сидении в глуши затворником свою озверевшую сущность, но нет, вот она – не возьмёте меня, суки! Не отросли ещё когти и зубы, чтобы Сеймура МакАртура взять.

Первого сломал без проблем вообще, а второй оказался проворнее. Сам не понял, как пошёл в оборот и только этого мне не хватало – вовремя остановился… почти. Хватило разодрать второго.

Чтоб меня – на смерть!

И кому теперь вопросы задавать?

Точно – девка!

Обернулся на неё.

Понятно же – подсунули, чтобы бдительность потерял? Или что?

Странное вообще.

Глазища эти зелёные, бледная, как смерть, с ужасом, который чувствовал нутром, смотрела на меня через лобовое стекло, а потом рванула бежать.

Только бегать мне сейчас не хватало. Словил и, с ума сойти — Сеймур, ты с ней церемонишься? Но правда, очень старался не переломать её, и это потому, что вот её сломать во-

обще не стоит ничего, это тебе не эти кошачьи, пусть и недомерки, но мужики крепкие, молодые оборотни, у которых в голове кисель, а силы немерено. И ещё мне нужны ответы на мои вопросы!

И нет – то, что от неё так охеренно пахнет, вообще ни при чём!

Приложившись головой о дорогу, она отрубилась. И я на мгновение подумал, что пришиб её, и даже расстроился. Очень.

Снова охренел с себя.

Но нет – жива. Голова целая. Скорее всего, заработала шишку.

Взвалил девчонку на плечо, подобрал рюкзак, которым она меня приложила и, мелкая сучка, рассекла скулу! Что у неё в этом рюкзаке – кирпичи?

Хотя, может, она из Глазго, и если там камень размером с два моих кулака, то я вообще не удивлюсь. Но по разговору вроде изъяснялась понятно, хотя я тоже умел… и так и так – диалекты Глазго, мать их! Как они меня бесили, когда бойцы у меня были во всех районах – кто как говорил.

Ухмыльнулся – хорошее время было!

Кинул девку на заднее сидение Ровера. Огляделся – придётся команду зачистки вызывать. И хорошо, что сейчас дождь пошёл, значит, можно не сильно переживать – напишут в отчётах, что на мотоцикле два обдолбыша разложились. Если, конечно, их свои не подберут. В том, что они тут

где-то недалеко, вообще не сомневался.

Проехал до своего поворота.

Девчонка простонала что-то, но в себя не пришла. Напрягало – не хватало, чтобы она напала. Но до дома добрался спокойно, и это вообще-то напрягло ещё сильнее.

Дождь лил стеной, но ветра пока не было, шторм бушевал в море, до побережья не доставая, тут правда — придёт, обязательно придёт.

Припарковавшись, прислушался. Ливень мешал своим шумом, но вроде тишина, зашёл в дом, замер в дверях. Тихо.

Слишком, мать твою, тихо!

Но ладно. Вернувшись к машине, забрал рюкзак и девицу.

И что ж она так пахнет, сил нет, свело всё. Точно надо разложить её, а то чего зря, что ли, старались, подкидывая мне такой подарок?

Притащил в погреб, он тут в доме винный весь из себя, чёрт знает сколько ему, и у меня вообще вина нет, я эту хрень не пью. Сгодится и на это.

Свалил свою ношу к стене и только хотел изучить содержимое рюкзака, как эта рыжая бестия пришла в себя.

Всхлипнула, потом застонала и снова всхлипнула, тронула голову в месте удара и, ей повезло, что действительно не рассекла. Сначала она не очень понимала, что происходит, потом, видимо, дошло, и она глянула на меня полными невообразимого страха глазами.

— Кто послал? – спросил я, не дожидаясь всяких слёз и мольбы.

— Я не… – мотнула головой девица.

— Кто. Тебя. Ко. Мне. Прислал? – навис над ней, не без удовольствия наблюдая за паникой и находящей истерикой.

— Никто. Я не понимаю, – зашептала она с придыханием. — Отпустите, пожалуйста, прошу вас! Я никому ничего не расскажу, я…

Когда-то раззадоривался из-за мольбы и слёз, не важно чьих – девок или парней. А те тоже рыдали у меня. Вот такой я… умею пронимать.

Но сейчас…

Мягким ты стал, Сеймур, сломался. Покрылся пылью и паутиной или вот мхами вековыми.

Почему-то её всхлипы не отзывались триумфом и не тащили меня зайти ещё дальше. Только мерзко внутри стало. Но и надо понять, кто её послал. Точнее, понятно, что, если напали вот эти недомерки, то искать нужно в определённом направлении.

— Значит так, – схватил её за шею и поднял на уровень своих глаз. Она, конечно, ухватилась за руку, заскулила. — Ты не ведьма, так? Человек.

Она, кажется, попыталась замотать головой или…

— Приворот зачем? Отвлечь меня? Так? И что не так пошло? Или ты сдала и заднюю врубила?

— Я не… я не… по… понимаю о чём вы… – прохрипела

девица. А меня просто рубило от её выдохов.

Привороты – ненавидел всегда эту дрянь, и тех, кто ко мне с этим лез, ждала незавидная участь. А тех, кто лез, было, увы, очень много. Или не увы…

— Да что ты? – повёл бровью, больно засаднило скулу, которую она мне и разбила. Вспомнил и разозлился.

Прижал к стене.

— Значит, будем делать то, зачем тебя ко мне послали, – дёрнул со всей дури джинсы, которые поддались с лёгкостью, даже непривычно, но меня подстёгивало, в мозгах долбился этот её запах, ещё немного и даже зверь полезет на него изнутри. И, конечно, нам это ни к чему.

— Прошу, не надо… я не понимаю, правда не понимаю, я не знаю, о чём вы, я просто застряла на дороге, просто мне надо домой и… и… – скулила рыжая, безуспешно пытаясь не то отодвинуть меня, не то цепляясь сильнее.

Дрожь, как в лихорадке – внутри неё плескался этот сладкий животный страх, который раззадоривает хищника. Его можно пить, наслаждаясь только им. Даже привороты никакие не нужны. Вот этого достаточно! Но одно накладывалось на другое, и мне становилось всё тяжелее сдерживать себя, чтобы… а вообще какого дьявола я себя сдерживаю?

— Сильное наложили, – прохрипел я, когда так же рывком избавился от её белья. Прижался к её щеке, втягивая этот пьянящий аромат. Запустив пальцы между ног, поймал невообразимый всхлип, полный совершеннейшего чистого

липкого ужаса. И… что за? — Твою мать, сучка!

Отпустил её, разжимая руки у горла, делая шаг назад, и она свалилась на пол, сжимаясь, закрываясь от меня, дрожа всё так же. Всхлипывая и прерывисто дыша сквозь рыдания.

— И по чём нынче девственность? – скривился я.

Захотелось придушить её, чтобы не мучилась. Но расточительство же. Надо посмаковать.

— Я не… я не… – и она сорвалась на вой. — Прошу вас, отпустите, пожалуйста, прошу… прошу…

— И куда ты собралась? К своим? А не прибьют, что работу не выполнила?

— Прошу, прошу… я не знаю… я ничего не знаю…

И зверя внезапно скрутило предчувствием, напряглись все мышцы одновременно. Пришли? Чуял. Пришли!

— Твои пришли, – ухмыльнулся.

— Нет… нет… прошу… пожалуйста…

А, да в самом деле!

— Потом разберёмся, – вытянул с полки верёвку, чем заставил девицу сжаться ещё сильнее. Нагнулся и, сжав шею в нужном месте, заглушил уже эти невнятные стенания. Побыстрому связал, проверяя, чтобы не делась никуда, и пошёл встречать гостей.

И… привет!

Очередные недоумки. Парочка. Опять. Сладенькие.

Даже если они и изучили дом, не думаю, что им это очень-

то поможет. Но они не заходили внутрь, оставаясь снаружи. И, судя по бурной деятельности возле тачки, я только что потерял свой транспорт. Один-то точно.

Мелкие пакостники – и вы серьёзно думаете, что вас это спасёт?

Ухмыльнулся, выбираясь незаметно из дома. Добрался до них, дождь играл на руку мне – они не чуяли меня, а вот я прекрасно знал, где они находятся.

Напрягся, замер, готовый напасть.

— Слышь, а ты уверен? – спросил один у другого, типа очень тихо.

Вот же мелкие ублюдки. Где их таких, невнятных, нашли-то?

— В смысле? Он же там, надо узнать, – ответил второй.

— Узнать, что он в доме?

— Ну, так да, чё ты, тупой?

Ещё какой тупой, это же очевидно!

— Сам ты тупой, – буркнул первый.

Что за?.. Даже как-то обидно, что ко мне прислали вот это!

— Нам надо вернуться, – заметил второй. — Разведаем и назад.

Ничего вы не разведаете, ушлёпки, и “назад” у вас никакого не случится, разве что жизнёнки ваши никчёмные отмотаю к истокам, так сказать.

И я приготовился нападать.

— А девка? – спросил первый. И я замер. Это интересно.

— Что девка? – отозвался недовольно второй.

— Ну, нам сказали, что он один, а тут девка. Откуда она? Вот те раз…

— Да какая разница откуда?

— А если она из нашего племени?

— И чё? Ты видел её?

Значит, они видели… где? На дороге? Или за домом следили?

— Да и плевать, завалим его, а потом и девку. Что нас, на девку не хватит?

— Завалим? – уточнил этот утырок, ухмыляясь.

— Ну, ты урод, – так же ухмыльнулся его напарник. — Развлечёмся и завалим.

И тут у них клацнула привычным звуком рация.

— Твою мать. Уходим, – отозвался уже не очень понятно который, но понятно стало, что их не двое, что нападут обязательно и что…

Чёрт тебя побери, Сеймур, девчонка ни при чём!

Когда окончательно убедился, что они свалили, вернулся в дом. Сначала позвонить.

Дождь немного стих.

Спустился в погреб проверить девицу – без изменений. Забрал её рюкзак и поднялся наверх.

— Так, Сеймур…

Телефон спутниковый, я звонил за эти годы прибывания здесь не чаще пары раз в год. Правда номера нужные помнил, как ни странно, очень даже.

После долгих гудков вызов приняли.

— Торен, это Сеймур, – впрочем не строил иллюзий, что этого моего номера у МакФэлана не было.

— С ума сойти, – выдал мне друг. — Сейчас расплачусь от счастья. Стало скучно? Решил поболтать?

— Да не сказал бы. Было скучно. А теперь очень весело.

— Что случилось?

— Хотел у тебя спросить, – ухмыльнулся, вытаскивая попутно вещи девчонки из рюкзака.

— Сеймур, чтоб тебя, – ругнулся Торен.

— Меня пытались убить, – ответил я.

— Что? Кто?

— Линсхэмы.

— Ты уверен? – и я почувствовал, как МакФэлан напрягся.

— Я, по-твоему, так долго не видел никого из мохнатых братков, что рысь от пса не отличу? – спросил, усмехаясь.

— Здесь тихо, Сеймур. Точнее… – он запнулся, прикидывал, как обычно, — Дункан ничего мне не говорил.

— Не думаю, что такое мог бы скрыть, – отозвался я.

— Что-то нужно? – перешёл к делу друг.

Вот за это люблю и ненавижу Торена МакФэлана, слишком деловой всегда.

— Нет, но, наверное, свидимся и поговорим.

— Не суйся сюда, МакАртур. Или ты уже где-то здесь?

— Не важно, где я, – уклончиво ответил я.

— Ты параноик, Сеймур.

— Это не один раз спасало мою жизнь, – заметил, а внутри появилось это тревожное, что в этот раз жизнь мне спасла девственница, которая приняла дозу приворотного зелья.

Интересно, а может она не меня собиралась соблазнять?

И… досадно, что ли? Задело. Чёрт!

— Мне нужно, чтобы ты нашёл информацию кое о ком, – вытащил разбитый фотоаппарат, а на нём карточка с именем и фамилией, затёртым адресом и неразборчиво написанным номером телефона.

Она правда думала, что кто-то вернёт камеру, если найдут? Со смеху умереть!

— О ком?

— Маккензи Морис, – прочитал я.

— И?

— Что – и?

— Это всё, что ли? – цыкнул недовольно Торен.

— А тебе что ещё надо? Или, по-твоему, у нас в славном королевстве тьма девок таких? – усмехнулся я.

— Дата рождения, год хотя бы… – возмутился МакФэлан.

Но водительского в рюкзаке не было, а значит оно при ней, надо пойти обыскать или…

— Ты ещё спроси у меня – она за Рейнджерс болеет или

за Селтик, — фыркнул я. — Торен, не нуди, а? Рыжая девица, лет двадцати трех или около того, просто примерно сам посчитай, какой год… плюс-минус. И узнай о ней всё.

— И через сколько тебе нужна информация? – голос его пропитан недовольством и иронией.

— Да вчера нужна была, как всегда, – ответил я и услышал привычную ругань.

— Я скучал по тебе, Сеймур.

— Правда?

— Нет, – отрезал друг, а я рассмеялся.

— Что ж… Аминь и боже, храни королеву. Бывай, брат!

Услышать от него прощание не успел. Отключился.

В разбитой камере была флешка. Так что, достав ноут, решил глянуть на то, что фотографировала рыжая. Вдруг станет понятно, что она такое… и да, вроде, если верить этим будущим трупам, что они не знали о ней, то можно и успокоиться, принять, что просто вот так случилось, что…

Да хер вам! Не верю в такие вещи!

На фотках одна утомительная природная красотища. Удивительно, что ни одного человека, сплошные холмы, скалы, море, небо – вот эта живописная прелесть. Эти замки развалленные. И кому нужны камни, которым чёрт-те сколько лет? Но фото действительно хорошие. И некоторые места мне были очень хорошо знакомы и скажу так – у девицы, кажется, нет мозгов, если она делала фото с таких ракурсов, откровенно опасных.

— Путеводитель просто, – пробурчал, но по фото можно составить маршрут.

Она ехала, судя по датам, откуда-то с восточного побережья, места близ Абердина, потом по побережью уже на север. Явно пробыла какое-то время на острове Хой. Потом вернулась обратно и поехала в сторону Даунрея и дальше. А то, что она проехала мимо съезда на A897, говорило, что собиралась ехать ещё дальше? Зачем? И вообще, странный какой-то маршрут намечался…

Дождь усилился, громыхнуло, и начинало темнеть, а значит надо ждать гостей.

Но для начала разобраться с девчонкой.

Глава 4. Маккензи

Во тьме я слышала лишь всхлипывания девушки, и мне так хотелось пожалеть её. Очень сильно. Холод сковывал тело, мне виделось, что я покрылась коркой льда. Видела свои мёртвые глаза, обращённые в никуда.

Ты ничего в этой жизни не сделала, Маккензи…

“Ты просто дура, Мейси! Такая дура!”

Слышала смех Феоны, которая издевалась надо мной, сколько я помню.

Волосы тянуло, больно… больно… это мама стрижёт меня, потому что Феона спутала волосы в пластилине.

“Разве не весело, Мейси?”

Слишком медленная, слишком в себе.

“Смотри, Мейси!”

Я не хочу смотреть. Я не хочу. Не хочу… но она пихает мне в руки что-то, и меня пробирает от отвращения, из глаз текут слёзы.

И я вижу её пса, огромного ротвейлера, который рычал на меня, скалился и пугал.

Страшно и холодно.

Он рычит, и на кожу капает его слюна.

И с ней меня накрывает водой. Вода везде. Солёная, она попадает мне в рот, и я ничего не могу сделать, паника накрывает. Нет. Пожалуйста! Можно я уйду?

— Эй, – жуткий, леденящий кровь голос вытаскивает меня из ужаса, который я испытывала в видениях. Вытаскивает в другой ужас. Тот, который я испытываю наяву.

Я встретилась с его совершенно жестоким взглядом, колким и цепким. Взглядом хищника.

Мне конец. Он уничтожит меня, совершенно точно уничтожит. Но сначала…

Я не могу, просто не могу больше умолять, у меня не осталось сил, я не понимаю, в чём он меня обвиняет.

Картинки мёртвых тел всплывают перед глазами. Чудовище, которое я видела, не было человеком! Это был зверь! Один и второй. И… третий. И сейчас этот зверь смотрит в мои глаза.

Бездной.

Конечной точкой. Вот тут. И вот так. Моя смерть.

— Прошу… прошу… – уже просто произносила одними губами, не имея силы голоса и теряя себя от кошмара осознания, что он мог сделать со мной всё что угодно, а я не смогу сопротивляться.

И никто не найдёт меня. Никто и никогда…

— Вставай, – приказал.

Но я, даже если и не хочу злить его – а я не хочу – не могу пошевелиться.

Посмотрела в его суровое лицо. Каменное. Такое… похожее на маску. Совершенно без эмоций. Он всё это время разматывал верёвку, которой я, оказывается, была связана.

Зачем?

Он хочет отпустить меня? Да? Может, правда…

— Отпустите, – прошептала.

— И куда ты собралась? – ухмыльнулся он.

— Прошу… я никому ничего не скажу, – пообещала, понимая, насколько нелепо всё это.

Правда, бывают такие монстры, которые терзают свою жертву, а потом отпускают её, когда она обещает никому ничего не говорить?

Дуууууура, Мейси, ты дуууууура!

И это единственная мысль, которая сейчас долбилась внутри меня. Дразнилкой, повторяющейся голосом моей кузины где-то в самой глубине моего сознания.

На это он усмехнулся с пренебрежением, потом дёрнул меня на себя, чтобы я села. На нём уже не разодранная в клочья футболка, а нормальная, с каким-то значком на ней, словно фирменная. Даже странно, почему мой взгляд цеплялся за такую ерунду?

Он стал снимать с меня пальто, а я подумала – вот же абсурд… я с голыми ногами, без белья, в пальто и шарфе, в ботинках и носках… с принтом, на котором изображены игрушечные медведи.

Нелепее уже и не придумать.

И это то, о чём я думала перед смертью?

Или нет. Это то, о чём я думала перед тем, как он изнасилует меня, а уже потом убьёт. Не о времени, которое он бу-

дет измываться надо мной, а над тем, что у меня совершенно дурацкие носки, и, вполне возможно, именно так, в них, он меня и закопает…

А мужчина тем временем стащил с меня пальто и свитер.

И я могла бы сопротивляться. Руки же свободны. Но что-то говорило, что это только усугубит моё положение, и вообще я и правда парализованная страхом жертва хищника, которая может только трястись так, что зуб на зуб не попадает.

Вторая мысль – я никогда не согреюсь! Больше никогда не будет тепло.

Я осталась в ботинках и лифчике. Но и ботинки с меня стянули. Носки. С медведями.

И мужчина усмехнулся, глядя на них.

— Забавно, – дал комментарий этому предмету моего гардероба и снял.

Значит, не будет на трупе Маккензи Морис носков.

А потом он перевалил меня через плечо и потащил куда-то.

Боль в рёбрах и районе живота была резкой, яркой, я не могла даже вздохнуть, но и сопротивляться не могла. Безвольно висела на его плече, ощущая силу в руках, пальцах, которые меня держали. Видела лишь его спину, свои растрёпанные волосы и сначала каменные ступени, потом добротный дощатый пол, а дальше на меня пахнуло привычной свежестью уборной комнаты… ванной комнаты. Он поставил меня на холодный поддон душевой.

— Что вы делаете? – заикаясь, спросила я всё так же шепотом. Не рассчитывая, что мучитель будет со мной говорить и что-то пояснять.

— Мою тебя, – он тем не менее ответил.

— Зачем? – выдохнула я.

— Очень хочу надеяться, что можно смыть с тебя часть этого мерзкого приворотного запаха, – и мужчина поморщился, словно от меня несло помоями.

Я икнула невольно, всё ещё трясясь от страха, и поняла, что хочу в туалет.

— А можно мне… можно мне…

— Чего? – рыкнул так, что внутренности у меня снова свело страхом. Я вжала голову в плечи.

— Пописать, – прошептала.

— Так писай, – повёл он плечом, но места для манёвра мне не дал. То есть говорил, чтобы я…

— А можно мне… – я глянула в сторону унитаза.

— Чё? – и его бровь весьма многозначительно поползла вверх. — Поссать можно и сюда, – показал мне на поддон душевой.

— А можете… – теперь мужчина сложил руки на груди, бровь всё так же одна наверху, а вторая внизу, потому что глаз прищурен. — Отвертитесь, пожалуйста.

— Ага, только это? – не двинулся ни на сантиметр.

Я смотрела на него, задрав голову.

Он большой. Огромный. Ручищи эти нереально здоровые.

И при этом, я, конечно, плохо разбираюсь, но мне кажется, он не из тех, кто потеет в залах и как это, тягает железо? Он просто сам по себе такой здоровый. Взгляд синих глаз, красивых, действительно красивых глаз, прожигал во мне дыры.

И это очередная глупость от Маккензи Морис – изучать и восхищаться взглядом того, кто должен тебя убить.

— Я не смогу, если вы на меня смотрите, – всё же смогла ответить я.

— Значит, не хочешь ссать, – пожал он плечами. Небрежно и с таким безразличием.

— Но это унизительно, – пролепетала я, и это вызвало усмешку.

Да какое ему дело, Мейси? Он же сейчас… я снова содрогнулась.

— Прости, милая, что тебе неудобно и, – нагнулся надо мной, потом схватил за шею сзади одной рукой, а пальцы второй руки легли мне на подбородок, — унизительно? Сейчас расплачусь! Радуйся, что просто ещё жива, поняла? Потому что у меня очень много претензий к тебе, детка, – и он сказал это "детка" так, словно плюнул в меня. — Думаешь, я повернусь к тебе спиной? Нет, не жди. Потому что я не дам тебе ни шанса напасть или думать об этом, поняла?

— Я не… – попыталась я что-то сказать.

— Хочешь ссать, – рявкнул он, — давай. Что непонятного? Не трепи мне нервы! Мне плевать, виновата или нет, я знаю, что от тебя невыносимо несёт, и меня выкручивает от

этого. Не хочешь по-хорошему, так, как я сказал? Будет по-плохому – оставим, как есть, и я трахну тебя, а потом сожру!

Я вздрогнула, затряслась, слёзы потекли по щекам.

Он зверь. Я же видела. Видела. Он точно зверь. И он сожрёт меня… но перед этим…

И я очень попыталась справиться с собой, с жутким чувством стыда, которое было даже сильнее, чем страх смерти.

— Вот так, – похвалил за то, что пописала, отпуская. — А теперь давай, намыливайся, и волосы тоже, а то кровь в них смердит. Вон там шампуни, уж прости, но ничего для блеска, объёма и прочей херни у меня нет. Я так вообще мылом моюсь. И давай быстрее. У нас мало времени. Дождь усиливается.

И я понятия не имела, что там с дождём. Но, чтобы не раздражать его, поборола в себе желание плакать, старалась быть тихой. Потянулась к застёжке лифчика. Даже подумать о том, чтобы поднять на него глаза, мне страшно. Но застёжка не поддавалась, пальцы тряслись, и он цыкнул, сделал ко мне шаг. Я снова невольно сжалась.

— Хорош трястись, рыбка, сказал же, что времени нет! – снял с меня и бюстгальтер, и снова идиотская мысль внутри меня – вот же… теперь совсем голая, словно в одном этом стареньком истёртом спортивном бюстгальтере была одета.

Усмехнулась бы с горя.

Невезучая Мейси.

Но… подожди… он не собирается тебя убивать? Да? Пока

точно нет?

Его раздражало, что я так долго промываю волосы. Он даже что-то про ножницы сказал. Но в конечном итоге мне выдали два полотенца, одно на голову, второе на тело. Всё.

— Вперёд иди, а то таскай тебя теперь, – вытолкнул меня из ванной комнаты.

Я шла перед ним, семеня по удивительно, но тёплому полу. Очередная нелепость. Какое мне дело до пола? Но, как оказалось, очень даже было дело.

Меня грубо, бесцеремонно направили в огромную комнату. Тут так непривычно для английских домов такой постройки, явно очень старой, вековые камни в стенах, окна в том подвале, где он меня держал, типовые. А здесь — модерн и минимализм. Окна большие, современные. Странный для этих мест контраст.

А ещё…

— Сядь, – указал мне место на полу. И я замешкалась, не понимая указания сесть на пол, но за это промедление мне на плечо легла рука, продавила книзу, и я вынуждена была подчиниться. — На вот, – в меня полетела большая подушка со спинки дивана, — под очаровательный, сладкий зад свой запихни.

Сказать слова благодарности?

Он издевался, но всё же пока не делал мне ничего серьёзно плохого. Физического насилия я там в подвале избежала,

кажется, чудом. И я до сих пор не могла понять, как он понял, что я девственница. Что такого он во мне увидел и, боже, почувствовал между ног?

От воспоминания сжалась, стараясь не очень сильно показывать, насколько мне страшно, жутко, насколько мне хочется рыдать, выть, бежать…

— Хватит жаться и трястись, – тут же отозвался мой мучитель. — А то на страх у меня зверюга поднимается. Не сделаю тебе ничего, – он даже не пообещал, просто констатировал факт.

И, наверное, мне должно было полегчать, но как-то не особо. И это “зверюга поднимается” – что это значит?

В комнате тепло, на полу тоже. Я поняла, что согрелась в душе, и сейчас даже в этой унизительной позиции, у его ноги, мне не холодно. И я попробовала перестать жаться. Не очень получилось.

— Правила такие, – он сел передо мной, — первое – ты не пытаешься убежать и не творишь всякой хероты. Поняла?

Я повела головой, поднимая на него взгляд, хотя не хотела, но хищник и жертва – так себя кролики рядом с удавами и ведут?

— Не слышу!

— Я поняла, – прошептала на выдохе.

— Хорошо. Бежать некуда. Там дождь, и тебе придёт конец. Если ты не с ними, то тебя словят и пустят в расход. Здесь у тебя есть шанс выжить, поняла?

— Да, – на этот раз я не стала дожидаться его рыка на меня.

— Умница. Второе правило вытекает из этого – не шевелись. Вот тут чтобы была, и больше нигде. Прятаться от меня нет смысла – я найду и в раже могу тебя пустить в расход, ошибочно предполагая, что ты там, где я тебя оставил. Это понятно?

— Да.

— Дальше. Если меня завалят. У тебя нет шансов против них. Может, тебя спасёт от быстрой смерти этот мерзкий запах, который сейчас и стал потише, но не ушёл до конца, а значит… хотя, – он прищурился, ухмыльнулся криво и жутко какой-то мысли, и мне не хотелось знать какой, — ты ж целка? Мало кому такое, малышка, нравится прям сходу, мы ж не в порнухе, – и, да, я не хотела слышать эти его мысли. — Но у них и без этого приворота на тебя встанет, потому что увидишь их, испугаешься – рыбке придёт конец. Ясно?

— Д-да, – кивнула я, сглатывая невольные слёзы и не понимая, зачем он мне это сказал? Просто обозначил, что случится со мной, если его убьют?

— Будешь дёргаться – привяжу, – пообещал, и я мотнула головой в знак того, что не буду дёргаться. — Вот и договорились, – одобрительно хмыкнул он и встал.

После чего подвинул ко мне кресло, боком прямо к моей спине, и уселся в него, вытянув ноги.

Повисла тишина. Щемящая и такая невообразимо осяза-

емая, даже звук бури, которая бушевала за окнами, не спасал от этой леденящей кровь тиши.

— А можно, – прошептала я, стараясь снова не сорваться в истерику и содрогания от страха.

— Что?

— Просто…

Снова ты, Мейси, что ты ему скажешь? Чтобы он тебя разговорами развлекал? Или объяснил, что происходит? Что эти люди… или не-люди, такие. Кто он сам такой?

— Почему мы тут сидим?

Да и пусть считает меня полной идиоткой. Что мне с этого? Уж это не так унизительно, как сидеть в ногах у незнакомого мужчины, или, боже, писать у него на глазах. Всего лишь дурочка Мейси и её глупые вопросы.

— Здесь середина дома, – тем не менее соизволил ответить мужчина. — И я могу слышать отсюда всё, что происходит вокруг.

— А…

— А когда ты болтаешь, – перебил он меня, — я ничего не слышу!

— Простите, – шепнула я, — просто пугает тишина и буря.

И вот же – как можно что-то слышать, когда за стенами такое происходит?

Природа бесновалась, сходила с ума, сотрясая эти не меньше чем вековые камни стен дома, пробирающим до

внутренностей грохотом. И каждый раз я сжималась невольно… и очень, очень-очень старалась не всхлипывать.

— Что ты тут вообще делала? – вдруг спросил мой мучитель.

— Я ездила на остров Хой, мама попросила высыпать её прах там в море, – честно ответила я, радуясь тому, что он говорит. Спокойно и не рычит, не цыкает, не раздражается. Если бы не эта ситуация, то я бы сказала, что мне нравится его голос, глубокий и сильный, основательный баритон. Но нравится до тех пор, пока не вижу его самого… конечно. Поэтому я усиленно пялилась в пол.

— Почему именно туда? – спросил, ухмыляясь.

— Потому что там мама познакомилась с папой.

— Романтично. Судьба туриста? – его забавляло, а мне стало почему-то обидно.

— Мой папа был фотографом, – объяснила. — Там он…

— Фотографировал? – съязвил мужчина. Я вдруг вспомнила его имя – Сеймур. — И ты тоже фоткаешь?

— Да, я… – нахмурилась, поднимая на него глаза, встречаясь с полным цинизма и какой-то, даже не знаю, заинтересованности, взглядом. Мне почему-то представилось, что я мышка, которую поймала кошка, и была уверена, что мышка точно мертва, а она внезапно ожила и… именно такой взгляд.

Мне и правда показалось, когда он стал говорить со мной нормально и спокойно, что у меня есть какой-то шанс, но

на что? Не быть изнасилованной, убитой? А сейчас – нет. Я забавная добыча, не больше.

— Не дурно ты меня своей камерой приложила, – произнёс этот Сеймур, потирая место, где на лице у него было рассечение. Отчего-то стало стыдно.

И, конечно, Мейси, извинись ещё перед ним за это!

— Камере конец, но флешка нормально, – добавил мужчина.

— Я просто… я работала, да, фотографом, – зачем-то пояснила, — но мама заболела, и пришлось уехать из Эдинбурга и жить с ней в Кемнее.

Он снова скривил лицо, как делал уже – одна бровь наверху, другая внизу у прищуренного глаза.

— Вот жопа, что там делать?

— Там красиво, – заметила я.

И мужчина усмехнулся:

— Сделала тысяч много фоток одного и того же пейзажа? Поля, замки, что там?

Почему-то мне показалось, что он знает, просто с таким пренебрежением спрашивает специально, однако ответила:

— Кастл Фрейзер и… – но он не дал договорить.

— Тихо! Замри, – приказал, и внутри меня скрутило предчувствием, как было там, на дороге. Один в один.

И я стала молиться, как ни странно, чтобы этот ужасный, грубый и огромный Сеймур ни в коем случае не пострадал.

Глава 5. Сеймур

Когда был мальчишкой, то сложно было совладать со мной. Я был жестоким, яростным и неумолимым. Мне было плевать на правила, и я нарушал одно за другим. И показывал свою мощь зверя, к ужасу Торена, к ужасу отца и других из моего клана, да и не только к их ужасу. Всех одарённых, что были в тусовке, а молодняк вот таких не-просто-людей всегда держался друг друга.

Но творя беспредел, я точно знал, что увидят зверя только те, кто умрёт, или… те, кто будет приносить нам пользу.

Беспощадная, неугомонная сила, что кипятила кровь и сводила с ума – я всегда держал зверя под контролем. В этом мне равных не было. И даже отцу пришлось признать, что в той дичи, которую я творю, есть смысл и польза. За исключением разнесённых пабов… но как можно удержать звериnец?

Возглавь бунт или отпусти его, ни о чём не жалея. И мы хорошо за это платили.

То же с футбольным дерби. Мне было в кайф просто разносить всё внутри чужого драйва. Какое мне дело? Я надевал цвета Селтик, потом надевал цвета Рейнджерс. Главное, что я мог найти место, где можно выпустить пар и разбить пару голов.

Все знали, что Сеймур МакАртур – больной на всю голову

ублюдок, с которым нельзя связываться, если не готов быть верным или мёртвым.

И нет. Я никогда не буду жалеть ни об одном моменте своей жизни. Не буду.

Даже вот там, где у меня была рана, там, где душу разорвало на части, уничтожая меня, как кого-то, кто мог, оказывается, любить и дарить тепло… даже об этом я не буду жалеть. Было хорошо.

Но не моё.

И потому… Не надо лезть ко мне. Не надо.

Я понимаю, почти, что именно нужно этим засранцам. Раз там, у Дункана и Торена, всё тихо, значит с меня решили начать. И тогда я точно знаю, что их придёт не один и не два, их будет много, сколько не жалко пустить в расход, попробуют взять числом. Но и к этому я готов.

И было бы намного проще принимать бой, если бы не вот это рыжее недоразумение, которое боится темноты, грозы, тишины… что там ещё?

Ещё и девственница… дерьмо!

И даже если не знали о ней вот эти двое тупорылых кошака, это не значит, что она ни при чём. Хотя, странно – никогда не любил костлявых девок, если специально мне хотели девицу подкинуть, чтобы отвлечь, то вот определённо не такая должна была быть. Но… а может потому и приворот?

Сколько сталкивался с этим, каждый раз взрывало, потому что это только в момент, когда поддался, хорошо, эйфо-

рия, тащит до слюней, а потом – страшный, чудовищный отходняк, на меня вообще действовало мерзостно…

Вранья и лжи я не прощал никому и никогда. И уж не девкам мне в душу лезть – пару таких охотниц, мать их, чуть не прибил собственноручно.

И эта… сидела и тряслась, вслушиваясь. И говорить с ней мне не хотелось, мне не до того, мне надо понять, как действовать. Но и страх её меня взвинчивал и пришлось успокаивать.

С ума сойти – какое мне дело? Но она и правда унялась, когда начала говорить.

Маршрут, который рассказала, не шёл в разрез с фотографиями, которые я видел. Не плохо. Но и не значит ничего.

“Параноик ты, Сеймур!” – вечно твердили мне.

Но я жив до сих пор из-за своей так называемой паранойи и того, что полагался на своего зверя и его чутьё.

И вот тут беда, потому что этот сладкий запах сбивал с толку, уничтожал чутьё, задвигал инстинкт самосохранения зверя на задворки, вытаскивая дурную похоть и совсем другой инстинкт. Никак мне сейчас не нужный.

— Никуда, ясно? – рыкнул, нагибаясь к девице вплотную. Она захлопала на меня глазами, и снова в ней это странное, то же, что в машине случилось перед тем, как могла бы произойти авария. Бледная, замершая, потерявшая ритм дыхания. — Хочешь жить, я тебе всё сказал!

И я понимаю, что в ней есть предчувствие смерти… и с этим понимаю, что один всё же добрался до дома.

— Твою мать!

На кухне тишина всего пару мгновений. Хорошее место, чтобы убивать и умирать. Хотя со вторым поспорил бы.

Сучёныш оборачивается кошаком прямо в прыжке от дверей. Ловлю его одной рукой за шкуру, второй хватаю очень кстати лежащий на столе нож. Всаживаю по самую рукоять куда-то в бок и слышу мерзкий визг. И понимаю, что он разодрал мне то же место на спине, по которому прошёлся один из тех, которых прибил у машины.

— Сука, – отталкиваюсь и выношу его из дома. Очень удачно впечатывая в другого, который в дом собрался проникать следом за первым.

Этого силой зверя, которую нагоняю в мышцы, скидываю в сторону, заодно стараюсь распороть место попадания ножа сильнее и глубже.

Готов.

Второй с мгновение опешил от столкновения, но этого мгновения мне хватает, чтобы сделать выпад и с помощью ножа отправить к его предкам.

— Сеймур, сука, сдавайся, – орёт мне кто-то с другой стороны дома. А значит там, где рыжая. Дело дрянь.

С этой стороны дома больше никого нет, значит эти двое отвлекли.

Но нет… не возьмёшь!

Я поворачиваюсь, возвращаясь в дом.

Раз, два, ещё шаг, пролёт, дальше комната, девица в истерике, и ещё шаг, врага вижу в стеклянных окнах. Четыре, пять… шаг, и я выношу спиной окно, оборачиваясь в прыжке, подминая под своего зверя того, который, видимо, назвал меня "сукой" и совсем не вежливо попросил сдаться.

Приятный треск костей и рассечённая плоть…

Ещё два сучёныша, точно. Но эти уже не мешкают, оборачиваются и нападают, вцепившись в мою шкуру зубами и когтями.

Дождь мешает, сука, но не дамся!

И… твою мать! Ещё один, тут совершенно точно есть ещё один.

Припадаю на бок, придавливая тяжёлым телом своего зверя одного, и задней лапой скидываю другого, удачно открывшегося. Распорол ему шкуру. Пьянея от запаха крови, страха, отчаяния… собственной боли, которая будоражит и растаскивает во все стороны.

Убить… просто. Больше ничего. Инстинкт зверя и жажда крови.

Как же, твою мать, хорошо!

Второй ещё сильнее вцепляется в меня, до рёва невыносимо, тварь. Поддеваю лапами и сношу его к Роверу, который так и остался стоять посреди двора, впечатываю рысь в

бампер автомобиля, ещё и ещё, а потом всё же перехватываю его пастью, ощущаю во рту вкус крови. Упиваюсь триумфом, когда скидываю с себя и ударяю лапой со всей мощи своего зверя.

Готов.

— Сеймур, – орёт мне тот, которого я чуял, но не мог найти.

Веду головой, оборачиваюсь и вижу, как он держит за горло девчонку. Она бледная, тупо совершенно придерживает одной рукой полотенце, вот же… дурочка! Стесняется она. Второй рукой правда пытается цепляться за руку этого ушлёпка.

— Не дури, иначе ей хана.

Если бы был человеком, то ухмыльнулся, но медведи не ухмыляются. Я веду головой, заходя дугой.

— Я её выпотрошу, – угрожает мне утырок. Но я чую его страх, а вот её не чую совсем. И это плохо… или… хорошо?

— Тебе на неё срать?

Он сжимает шею девчонки, уходя в оборот, я чую запах её крови, он ударяет мне в ноздри и переворачивает зверя и меня, человека внутри него.

Всего один шаг, всего один, я припадаю к земле, потом делаю рывок, и тупорылая кошка не успевает сориентироваться, как я перекидываюсь в человека, выдергиваю топор, который очень мне на руку был оставлен мною же, когда колол дрова для камина утром ещё. Отправляю орудие уверенным

движением руки прямо в голову уроду.

Он оседает, за ним падает и девица.

Глава 6. Маккензи

— Маккензи, открывай глаза! – тон не терпел никаких возражений, кажется, даже если бы я умерла, то определённо восстала от этого приказа.

Я открыла глаза и уставилась в лицо своего мучителя? Или спасителя?

— Привет, рыбка, – проговорил Сеймур, нависая надо мной. — Иди сюда.

И не успела я ничего ответить, вообще сообразить, что там, куда, как он подхватил меня подмышки, словно ребёнка, и поднял. Поднял с тела. Того, кто хотел меня убить. И я голая вообще. И… Сеймур этот тоже голый. И держит меня на вытянутых руках. Голую. И… я обвела глазами двор, потом попыталась посмотреть вниз.

— Смотреть на меня, – приказал мужчина тем самым строгим тоном, и я уставилась в его синие глаза. Даже мыслей никаких в голове не осталось.

А ведь там трупы. Трупы людей.

И он… он их убил.

Медведь.

Он – медведь!

Я всхлипнула, но получилось как-то невнятно, словно икнула, и взгляд не смогла отвести. Он сделал несколько шагов и усадил меня на диван. Очень ловким движением вытащил,

словно фокусник, из ниоткуда клетчатый плед. Накрыл меня, потом весьма бесцеремонно повернул мою голову и цыкнул недовольно, осматривая шею. В этот момент я потеряла связь наших взглядов, на улице опять сверкнула молния, и я снова уставилась невольно на тело, что лежало возле окон. Заливаемое дождём. С топором в лице. А вокруг вода, смешанная с кровью, пятнами на полотенце, которое было до нападения намотано на мне.

Вздрогнула от грома, и сейчас…

— На меня смотри, сказал, – рыкнул Сеймур не тише грома, и я снова уставилась на него, утопая во тьме взгляда. Хищника. Точно. Абсолютно точно хищника.

Я пыталась не думать, пыталась, но происходившее только что, вот же мгновение назад, меня скрутило ужасом. Я видела, как человек стал зверем. Именно этот человек. Страшным огромным зверем.

Губа затряслась, челюсть, зубы застучали друг о друга, наконец я ощутила, что мокрая и замёрзшая.

— Почему тебе нравится фотографировать? – внезапно спросил Сеймур.

— Что? – уставилась на него и даже перестала трястись от холода.

— Ты хотела поговорить, вот сейчас можешь говорить, – ответил он, вставая, а я не могла оторвать взгляд от его лица. Следила глазами за ним, как он прошёл к открытым полкам стеллажа, взял оттуда коробку, вернулся ко мне.

— Ну, так что? Почему? – спросил он, садясь рядом и открывая коробку.

— Потому что папа фотографировал, и я… – в коробке лекарства и перевязочные материалы. Ещё обеззараживающие спреи.

— Только поэтому? – спросил он, обрабатывая мне шею. У меня защипало, вывело из забытья. Что у меня там такое? Никак не могла понять.

— Да. Наверное. Не знаю, – сбивчиво зашептала я, — это очень… оно меня завораживало всегда. Папа фотографировал животных. Он забирал меня с собой, я была в Азии и Южной Америке… и у меня тоже был фотоаппарат, и я… я тоже фотографировала и проявляла с ним фото. Он свои, а я свои.

Сеймур хмыкнул, достал квадрат пластыря достаточно большой площади и наклеил мне на шею, туда, где обработал спреем, а потом протёр салфетками.

— Сиди здесь, – приказал он.

Встал, перенёс коробку на стол и направился в сторону лестницы на второй этаж.

Его не смущала его нагота, ему вообще было, как мне показалось, абсолютно комфортно. Я очень старалась смотреть только на его широченную спину, куда-то в место между лопаток. И вдруг заметила, что она разодрана, кровь спеклась, невероятно быстро, потому что он всё ещё мокрый из-за дождя, но рана огромная, а не кровоточит, и я перевела взгляд,

поняла, что он весь в ранах.

Я невольно коснулась своей, на шее. Сейчас, при нажатии, я чувствовала, что болит.

А ему не больно? Но не может такого быть. Да? Или людей, которые звери, тоже не бывает?

Что вообще… я закрыла руками лицо и сложилась пополам, утыкаясь в колени.

Это кошмар. Просто кошмар. Просто надо проснуться.

Нет.

Такого не бывает… я просто — может, замёрзла на той дороге, может, сижу в машине и всё жду, мне холодно, а когда холодно, всегда снятся кошмары. Да-да. Точно.

Надо проснуться.

Просыпайся, Мейси, просыпайся, давай, Мейси, ну же… проснись! Мейси!

— Давай, – я резко выпрямилась, задрала голову, глядя на ухмыляющегося Сеймура. — Шмотки. Рюкзак, – он кинул передо мной вещи и мой рюкзак, а потом носки и мои ботинки. — Ботинки не надевай, там сапоги есть резиновые,ботинки на потом, как дождь перестанет и выберемся на дорогу или дойдём до фермы какой.

— Что? – выдохнула я, хлопая зарёванными глазами.

Он был одет. Полностью – штаны, типа армейских, ботинки высокие, толстовка.

— Одевайся и пошли, у нас нет времени. Как только они не дозовутся своих по рациям, придут второй группой про-

верять, нас не должно здесь быть, – пояснил он достаточно спокойно.

— Но там же… буря?

— Дождь скроет наши следы и запах, то что надо, – он глянул в окно, потом на меня. — Одевайся. И пошли.

Я перевела взгляд с него на вещи и обратно.

— А можешь отвернуться? – очередной тупой вопрос от Мейси.

— Я уже всё видел и не раз, – рассмеялся он. — Шустрей, рыбка!

И я подчинилась. Трясясь от страха, но смогла протянуть руку и взять то, что было на полу, встала, с трудом оборачивая вокруг тела плед.

Сеймур смотрел на меня с нескрываемым интересом, в его взгляде столько издёвки. Я развернула предложенное – думала свитер, но это платье, плотной шерстяной вязки, мягкое и дорогое.

Очередная несуразность.

Вот этот мужик… огромный, грубый, жестокий. Медведь. И платье? Чёрного цвета, красивое.

Видимо, во мне столько непонимания, что Сеймур сложил руки на груди и прокомментировал:

— Это одной из тёлок, которых я поймал, трахнул и сожрал. Платье хорошее – решил оставить.

Я всегда так живо представляла себе всякие ужасы, которые обещала проделать со мной Феона, когда злилась на

меня, обычно ни за что. И тут очень живо представила, как он… сглотнула и содрогнулась.

— Да твою мать! – воскликнул мужчина и рассмеялся. — Не могу, и правда рыбка!

Я захлопала глазами, не понимая, точнее уже понимая, что он пошутил, но живость представленной картины не отпускала меня, да и окружающая обстановка. Снова сверкнуло и громыхнуло.

— Надевай, – приказал он, всё ещё посмеиваясь. — Это платье моей жены, там есть ещё вещи, может и более подходящие для прогулки по пересечённой местности, но ты слишком костлявая, и мне кажется, что одень тебя приемлемее, и это принесёт больше проблем, чем радости. Так что так.

Я перевела взгляд на платье.

— Живее, Маккензи! – гаркнул он, наклоняясь, и я уже не думала о том, как выглядела его жена, где она, почему не с ним, а может быть она в городе где-то, а он приехал охотиться, или не знаю, что там оборотни делают, он же оборотень? Так это называется. Только медведь. А оборотни они только волки? Или…

Всё это шквалом смело меня, но стоило ему крикнуть, как исчезло, и я моментом собрала себя и оделась.

— Плед в рюкзак, из пальто своего, – кивнул в сторону, и только сейчас я заметила свою верхнюю одежду на подлокотнике дивана, — достань документы и тоже в рюкзак.

Я надела свои носки с, чтоб их, медведями. Выполнила указания и взяла в руки ботинки, но он перехватил их.

— Дуй, – ткнул меня в спину, ускоряя.

— А машина? – спросила я, потому что – вот же Ровер стоит, помятый, но…

— Увы, они потрудились над всем моим транспортом, – ответил Сеймур, ожидая, пока я засовывала ноги в резиновые сапоги, которые оказались немного велики. — Но… стой… твоя тачка!

— Она же без бензина, – заметила я.

— А вот это у меня есть, – и я поверить не могла, но он надел на меня дождевик, такой, как моряки используют, а потом обвязал меня верёвкой вокруг талии, привязал второй конец к своей руке.

— Это… – я даже не могла возмутиться или что-то ещё.

Но он только ухмыльнулся.

— Давай, понеслись, рыбка!

И мы правда понеслись. Сначала в гараж за канистрой, потом на улицу, в эту жестокую непогоду, сметающую нас, но даже если мне хотелось… да ничего мне не хотелось.

Это какой-то совершенно жуткий, чудовищный день, уже почти ночь, и мне мерещилось, что мы идём непонятно куда, бессмысленно, вокруг беснуется природа, а я привязана к мужчине, который может стать медведем в любой момент?

Но мы дошли до моей машины. Я, кажется, поверить не могла, что это случилось. Он просто дотащил меня, упи-

рающуюся, желающую остаться в поле, лечь и уснуть, или проснуться от сна. И мне хотелось словно верить, что машину мы не найдём, потому что, если найдём, то это же значит, что я в ней не сплю? А когда увидела, то заглянула в салон, очень желая увидеть себя спящую и проснуться уже наконец.

— Садись, – приказал мне Сеймур, снимая верёвку со своей руки. В моей дурной голове даже возникла мысль побежать от него. Но это бред. Это… да всё, что со мной происходит, полнейший бред!

— Так, – он сел за руль, когда заправил машину, — надо доехать до людей, а там уже разберёмся.

И автомобиль не без труда, но завёлся. Проехав минут пятнадцать, вырулили к побережью – мы возвращались в тот городишко, из которого я уехала. И ведь я должна была сейчас быть дома, в Эдинбурге!

— Что это? – спросил Сеймур, указывая на игрушечную косатку, лежащую на приборной панели.

— Это Рокки, – ответила я машинально.

Хотя вообще не понимаю, никто не задавал мне этот вопрос, типа “что это”, потому что очевидно же – косатка или кит-убийца, как обидно и неоправданно называют этих животных. А тут задали, и я, дурочка, у твоей игрушки есть имя! Сколько тебе, Мейси? Четыре?

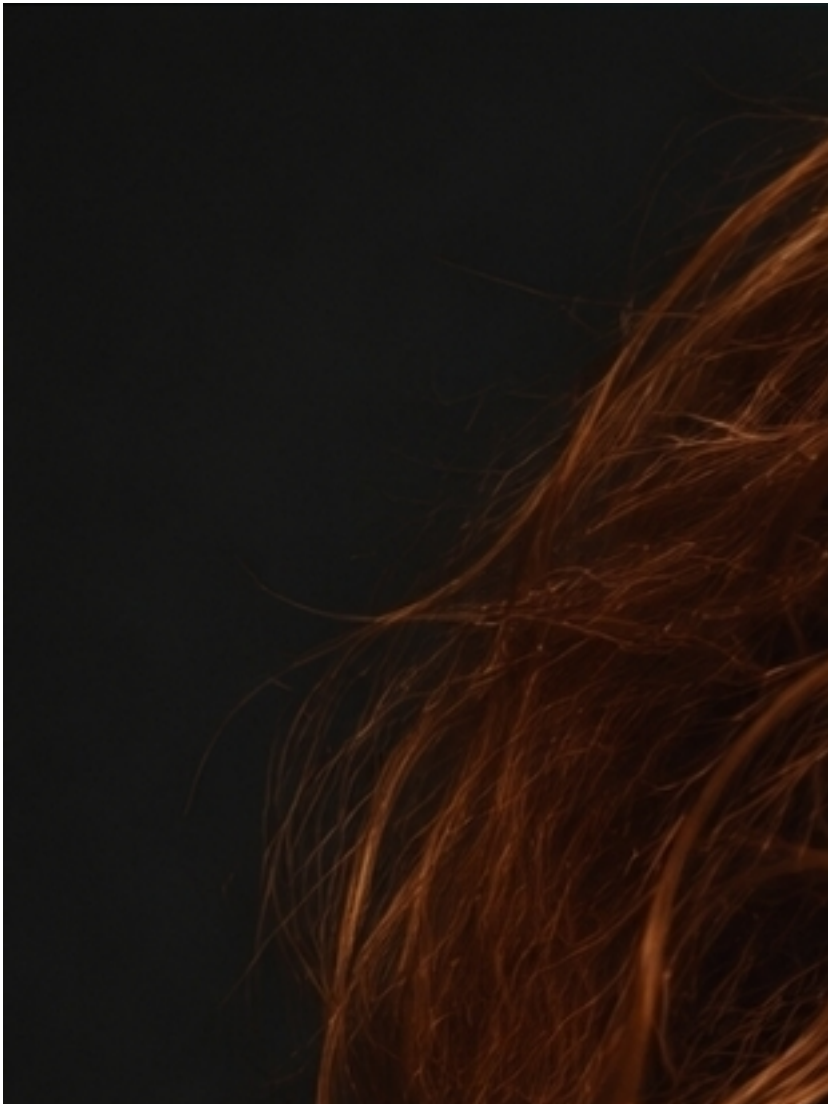
— Рокки? – конечно же рассмеялся надо мной мужчина.

— Да, – буркнула я. — Просто… просто… — и я потянулась к ней, хотела забрать с приборной панели, но не успела,

как Сеймур ругнулся, вывернув руль и нажав на газ, сбивая что-то большое.

— Суки, а! – услышала я, когда машина слетела с дороги и упала в воду.

И значит теперь я собрала все свои кошмары наяву, все до единого!

Глава 7. Сеймур

Смели напрочь. На этот раз трое, и двое из них те засранцы, которых я уже видел. Ненавижу дождь, ненавижу не иметь возможности обернуться. Но, если шторм давал небольшое преимущество, то вот оборот и правда был некстати, потому что куда я потом денусь в таком виде? К Джини? Но теперь уж точно по-любому именно к ней.

Одного сбил машиной, второго смог срубить, успев выбраться из тачки до того, как он доберётся до меня. А третий замер, раздумывая, обернуться или нет, но в итоге я пошёл в оборот, а он всё же трухнул и свалил. И мне совершенно не было дела до того, чтобы его догнать, потому что девица-то осталась в машине.

Машина упала, застряла на левом боку, от удара треснуло лобовое стекло, и вода начала заливать салон. А вот с самосохранением у девки совсем плохо, мать её. Точнее я подумал, что она без сознания, но нет – в этот раз обошлось без обморока, только когда забрался на правый бок машины, нашёл её, смотрящую вперёд пустым взглядом, бледная… да, какого мне так повезло? Ходячая неприятность.

— Эй, рыбка, – проорал, пытаясь дотянуться, но увы, она не откликнулась. Ругнулся. Пришлось перегнуться в салон, дёрнуть ремень и потянуть её на себя. — Маккензи! – рычал уже, если не очухается, придётся бить по лицу, и тут – я её пришибу, не рассчитав силы.

Но она очнулась. Задрожала и сфокусировала на мне взгляд.

— Ты больная? – спросил у неё.

— Вода… вода… солёная, – и она заплакала. Как маленькая. Вот как дети плачут. Как Дарси моя.

И чего тут ловить? Просить? Понять? Вообще. Бесполезно.

— Давай, пошли!

Поставил её на ноги, а она проседает.

— Маккензи, чтоб тебя! – и я, кажется, сам хотел её прибить, но тут глянул в лицо. Глаза эти потерянные, полные такого страха, ужаса, я видел такое не раз. Когда люди видят лик самой смерти.

Да что не так с этой девицей?

— Сама напросилась, – и я взвалил её на плечо, отправился в сторону ближайших поселений и как же хорошо, что мы недалеко от них, а, если быть совсем точным, недалеко от дома Джини.

Через полчаса я уже поднимался по гравийной дорожке к дому моей такой нелюбимой любимой ведьмы.

Но что делать? Придётся так, или мне хана, а девица точно заработает пневмонию какую от переохлаждения.

Поставил её на ноги.

— Маккензи? – она была словно в забытье, но всё же стояла на этот раз. Уже не плохо. — Стой и попробуй сделать вид, что с тобой всё хорошо.

Это я, конечно, прикольнулся. Она и хорошо?

Действительно выглядела как человек, которого пытались сожрать, потом тащили по пересечённой местности, благодаря частым дождям превратившейся в болота, а потом, на десерт, чуть не прибили в автоаварии.

Вздохнул и постучал в дверь. Сам старался себя сдерживать, потому что если у Джини есть постояльцы, то им это совсем не надо.

Хозяйка открывать не спешила, а вот Маккензи спешила перестать стоять на своих двоих.

— Простите? – Джини приоткрыла дверь, потом увидела меня и, конечно, перестала медлить. — Сеймур? – открыла, впуская нас в прихожую с улицы, где с новой силой бесновался шторм.

— Доброго вечера вам, миссис Грант, простите что беспокою, – у меня даже улыбнуться получилось, когда она очень понятно для меня сделала жест головой в сторону общей гостиной, а потом повела бровью.

— Что случилось, Сеймур, дорогой?

— О, трубы прорвало, миссис Грант, – ответил я. — Весь первый этаж залило по пояс, – у меня уже не было сил, и хотя говорил я весьма вежливо, но смотрел на женщину очень недобро. — Ещё и замыкание. Пришлось всё обесточить и выбираться оттуда. Поможете мне и моей невесте? Мы сильно промокли.

— Кошмар! Конечно, Сеймур, конечно, у меня есть для вас комната. Такая беда, такая беда. Пойдёмте. И надо по-

звонить?

— Да, вызвать мастеров, – согласился я, когда она повела меня и Маккензи вглубь дома. На лужи, что оставались после нас, внимания решила не обращать. А то обычно шуточку какую отвесила бы.

— Сюда, – запустила в одну из пустующих комнат, закрыла дверь. — Чем могу помочь, дорогой? – тон изменился с приторно-вежливого, на стальной, но всё же участливый.

— Для начала надо её согреть, – кивнул я на девчонку, стаскивая с неё дождевик.

— Тебе тоже не мешало бы, – заметила Джини. — Я зайду позднее, чтобы забрать ваши вещи, постираю в прачечной. Нельзя же в мокром и грязном быть, – потом подошла ко мне вплотную, положила руку на предплечье. — И она человек!

— Да, – согласился я. Ведьма повела бровью. И это одна из причин, по которой я не хотел бы сюда заезжать. Но как случилось, так и случилось.

Джини кивнула и вышла, оставив меня с полудохлой, кажется, девицей.

— Рыбка? — всмотрелся в болезненно блестящие глаза. Плохо. — Иди сюда.

Затащил её в ванную комнату, продолжая раздевать.

— Закрепим действие? – ухмыльнулся я, включая тёплую воду в ванне. Девица вообще не сопротивлялась, прям кукла. Посадил в ванну и увидел, как она дёрнулась.

Да что не так с водой?

Но, тем не менее, хоть не попыталась свалить, и истерика, кажется, закончилась.

Стащил с себя мокрое.

— Двигай давай, придётся вместе греться, – залез к ней.

Так хотелось понять.

Мелкая, костлявая, такая девчонка, аккуратная. Волосы эти её, веснушки на лице и на плечах. На груди. На деле симпатичная девочка. Нежная. И хрупкая.

Вот ты снова погнал, Сеймур!

Но запах этот, пьянящий аромат, никуда не девался. И продолжал сбивать с толку. Странно. Особенно запах её крови. Просто невероятно меня саданул там у дома.

Что за неведома хрень?

Не понимал, но и… надо спросить у Джини. Да. Она же не может не знать.

Девушка согрелась, перестала трястись и её потянуло в сон.

Вообще она неплохо держалась, надо отдать ей должное. Даже если её втянули в это, даже если она "подсадная утка", то наверняка соглашаясь на то, чтобы отвлечь мужика на дороге, не думала, что попадёт вот в такой лютый, жестокий и кровавый замес. А если она всё же ни при чём – то она невезучая просто безгранично, но и везучая… всё ещё жива.

— Рыбка? – позвал её, она с трудом разомкнула глаза. — Согрелась?

— Да, – прошептала она.

— Надо поспать, но не в ванной. Выбираемся? – вода стала розовой. Это с меня кровь течёт.

— Угу.

Покорность – это тоже нехорошо. Покорность – это когда смирился с участью и даже вот, когда она там в душевой у меня дома мылась под моим надзором, стесняясь, но она сражалась. А сейчас. Всё. Сдалась.

Я встал, вылез и вытащил девчонку, закутывая её в гостевой махровый халат, приподнял слегка под попу и отнёс в комнату, прихватывая полотенце.

— Рыбка? Эй, – позвал, когда усадил на кровать, накрыл голову полотенцем. — Маккензи?

И вот это снова возымело эффект. Присел перед ней.

— Что не так с водой, Маккензи? – спросил строго, потому что мне надо знать. Понимать.

Да, дьявол, мы там, где вода кругом!

Она мотнула головой.

— Не принимается. Что-не-так-с-водой?

— Я… я…

— Ты боишься воды?

— Папа умер, – прошептала она. — Утонул. В море. Снимал. И… он просто… механизмы заклинило и… его никто не стал спасать. Они не смогли его вытащить. А я… я просто… я прыгнула к нему, – и она сорвалась на рыдания, — но меня вытащили, а его нет… Его уже потом. Потом. Поздно. И его не стало.

— Тихо, малыш, – подался вперёд, обнимая её и не понимая, что мне вообще до неё, но её слёзы сейчас так больно делали. Невыносимо стало жаль её. — Тихо, рыбка, тихо. Всё хорошо, всё хорошо, малыш. Давай. Ложись!

Укутал её в одеяло, гладя по голове, пока она, всхлипывая, не провалилась в сон.

Успел только вещи собрать, как явилась Джини.

— Давай, заберу в прачечную, – предложила она. Глянула на девчонку.

— Спит, – кивнул я.

— Тебе тоже не помешало бы.

— Позднее.

— Что случилось, мальчик? – всмотрелась в меня женщина.

— Судя по всему – война, – ответил я, глядя на неё.

Джини нахмурилась. Взгляд потяжелел.

— Нам ничего не сообщили. От Дункана не было никаких вестей, – заметила она.

— У МакФэлана тоже тихо, – ответил я. — С меня начать решили.

— Ты уверен, что это не…

— Джини, – перебил её. — Прости, но двое на дороге до начала шторма, пятеро вокруг моего дома и двое у моста… и это не все. Мне показалось, вероятно!

— Кто? – спокойно спросила ведьма.

— Линсхэмы, – ответил и ухмыльнулся её удивлению. Ес-

ли ещё и она спросит у меня, уверен ли я – взорвусь.

— Сенга всегда была на стороне МакАртуров, – заметила она тем не менее.

— Была, но они живут сами в себе, ты когда кого-то из них последний раз видела?

Женщина согласно повела головой.

— Давай обработаю раны, – предложила она.

— Потом, – отмахнулся я, — мне надо вернуться к машине.

— Вещи мокрые и грязные.

— Варианты?

— Подождать до утра? — пожала плечами Джини.

— Не подходит, – отрезал, зная, что она не полезет в выяснения причин, а мне надо сейчас забрать из машины вещи.

В рюкзаке были документы девчонки, если их найдут, будет плохо. Даже если она не виновата, то тогда-то уж точно втянут и, конечно, ничем хорошим для малышки это не кончится. Хотя, сейчас-то не лучше.

— А ты можешь? – посмотрел я на женщину.

— Подожди-ка, – остановила она меня.

Не было её совсем недолго, вернулась с аптечкой, конечно, зельями своими, куда без них, и чем-то вроде спортивного костюма.

— Это что вообще? – сощурился я.

— Сухое и радуйся, – прокомментировала она.

Поставила аптечку и, не спрашивая, стала обрабатывать

раны. Которых на мне было предостаточно. Самая здоровая на спине. Но и руки, на бедре внушительная. Потрепали достойно.

Я терпел болезненные манипуляции, думая, как мне выбираться отсюда. И, главное, как девицу вытаскивать. Если вот Джини заговорит о законах, или ещё какой неведомой хрени – что делать?

Закон обойти?

Вопросы о смерти не стояли только в случае пользы нашему сообществу.

Какую пользу может принести девчонка? Фоткать нас будет? Красота! Отец будет в восторге!

— Что будешь делать с ней? – всё же коснулась щекотливой темы Джини. Но понятно – она смотрящая здесь, главная, если на её территории такое происходит, то по голове не погладят. И спасёт её только то, что во всём этом участвовал я.

— Тебя не касается, – ответил я.

— Сеймур…

— Какого ответа ты ждёшь на свой вопрос? Какого?

— Она человек, – снова повторила Джини. — И она видела одарённых, которые оборачиваются в рысей. И тебя, полагаю, тоже? Это…

— Мне её утопить теперь? – она закончила, и я встал, надевая штаны, которые она принесла.

— Ты – это ты, Сеймур.

— Потрясающе. Что бы это ни значило – это потрясающе, Джини!

— Мало ты народа перебил, мальчик? – прошипела она, видимо, поясняя свою глубокую мысль о том, что я – это я.

— Немало, но я могу сказать, что ни разу не было это сделано мною ради удовольствия, – взвился я, почти переходя на рычание. — Или ты скажешь, что это не так?

— Будь по-твоему, мальчик, – сделала вид, что сдалась. — Сообщить о ней?

— Я сам разберусь. Скрывать её не намерен, но сообщать о ней сейчас запрещаю, потому что не знаю, кто она и какого дьявола возле меня делает. Раз. А два – мы не знаем, что там у Дункана происходит, и пока я не доберусь до Эдинбурга…

— Я поняла, – согласилась Джини, примирительно ведя головой. — Я вызову зачистку и сообщу о нападении, скажу, что про тебя ничего не знаю.

— Спасибо.

— Осмотрительнее будь, – сказала она, когда оделся и направился на выход.

— Да уж непременно, – пообещал я. Потянулся к ручке двери. — Слушай, – обернулся на ведьму, — а на девице нет приворота?

— Что? – нахмурилась женщина.

— Приворот ведьмовской, – вздохнул я, — можешь посмотреть?

Она всмотрелась в меня, попробовал сделать вид, что это

просто вопрос, просто интересно, что ничего такого, есть подозрения, как на меня с помощью девчонки вышли, но ничего другого. В общем, натянул вид, полный безразличия и обыденности. Будто это просто стандартная проверка – не больше, не меньше.

Джини перевела взгляд на девочку. Подошла к ней.

Я мало каким ведьмам доверял. Джини одна из немногих. Знал её с детства, в непростые отношения с моим отцом не вникал, но и так всё понятно, если пораскинуть мозгами. А мне не надо вообще этого, мне от этого никак – ни жарко, ни холодно.

— Нет на ней приворота, – задумчиво произнесла Джини.

Хотел спросить, уверена ли она, но тем самым выдал бы себя, и вопрос из разряда "просто интересно" перешёл бы в разряд "что-то совсем не так", а это чревато неприятными последствиями. Разберусь с этим позднее.

— А обиды много… – задумчиво произнесла женщина.

— Обиды? – переспросил я, оборачиваясь, хотя хотел уже наконец уйти.

— Да, – она погладила голову девчонки, и, кажется, сделала её сон более крепким и спокойным. — Есть такие люди, Сеймур, которые милые и славные, не делают никому ничего плохого, но их все норовят задеть. Знаешь, наверное, как слабого – прижать, сделать больно, доказать себе, что сильнее…

— Не знаю, – честно ответил я, потому что в соперники

всегда выбирал сильного, а что до тех, кого уничтожал, то дело было не в слабости или силе, а в верности и чести. И предательстве.

— А бывает. Такие люди и сами не понимают, что с ними не так, но им от всех достаётся, – проговорила Джини и грустно улыбнулась. Потом глянула на меня. — Не обижай её, Сеймур.

— Не собирался, – ответил я и вышел.

"Не обижай!"

С ума сошла? Я этой девице жизнь спасаю, что ж мне теперь делать, если спасая от смерти, приходится её прикладывать немного?

Мне с ней как быть, если она вот даже воды боится? Как она на этот остров Хой добралась вообще?

Мамаша задала дочке задачку. И не могла же не знать, что ребёнка парализует от вида воды, чувства воды и ощущения воды? И эта мелкая живёт в месте, где воды хоть отбавляй, и с неба она льётся с завидной регулярностью.

Ухохочешься.

К машине вернулся быстро, ещё бы – никаких помех. Прислушался – тишина. Трупы на месте, значит пока никто не приходил, иначе забрали бы.

Залез в салон, вытащил рюкзак, удивительно, но сухой, потому что зацепился за водительское сидение и повис над заполнившей салон водой. Ботинки наполовину намокли, но

не критично. Сушка сделает своё дело за то время, которое у меня было. Почти вылез, чтобы уходить, а на глаза попала эта её игрушка. Кит-убийца.

Красивые черти. Видел их, пока ходил на судах в море, не раз. Невероятно прекрасное животное, действительно совершенный морской хищник.

Потянулся и вытащил из воды.

— Рокки, значит? – усмехнулся. — Прелесть какая.

Выжал от воды игрушку, которая у меня в руке вся поместилась. Если есть имя, значит важна. Такие мелочи научился ценить вот в том отрезке жизни, когда был, наверное, больше всего человеком, а не зверем.

Но… кончилось. Осталось где-то там. А мне надо дальше.

Пришёл в дом, когда уже все спали, видел, как Джини, видимо дождавшись моего возвращения, потушила свет в своей, как я знал, комнате.

Я прошёл в сушку, поставил обувь девчонки, потом разулся и поставил рядом свою. Поднялся наверх.

Маккензи спала, сопела во сне. Сам не понял, но пощупал её лоб, потому что меньше всего мне надо, чтобы она заболела, или мне придётся оставить её здесь, а это опасно.

Опасно!

И мне есть дело до этого. Дело до безопасности девчонки, которая не прекратила сладко пахнуть.

А что ты хотел, Сеймур?

Джини сказала, что приворота нет и значит сразу отпустило? Нет, друг, это она сама собой особенная. И только этого мне не хватало.

Вздохнув, я завалился рядом. Мысли бродили внутри головы, недобрые и тяжёлые.

Война. Кто с кем? Только оборотни? Или же всех одарённых заденет? Что вообще устроила Сенга Линсхем? Драная кошка! Надо бы связаться с Линдси и спросить, что происходит. Только не отсюда… или… можно и отсюда, это же не помешает, будет означать, что я место своего пребывания в течении пяти последних лет не покинул. Надо прикинуть, как лучше. Надо…

Но усталость, разливающееся тепло от мазей Джини и сопение девчушки сделали своё дело, и я всё же уснул, вот так, на середине мысли. Закрыл глаза и провалился в тёмное и пустое.

Глава 8. Маккензи

— Маккензи, подъём! – приказал мне этот жуткий голос, обладатель которого превратил мою жизнь в ад.

Я открыла глаза, моргая и пытаясь понять, где я, что случилось и… вчера уже прошло? Или нет, и было ли оно, это жуткое вчера?

Но я перевела взгляд на возвышающегося надо мной мужчину – о, оно было, ещё как! Он же никуда не делся. Стоит, словно гора, занимая всё пространство собой. На этот раз одет хотя бы в спортивные штаны. Сверху ничего, кроме бинтов и пластырей. И тату.

В дверь постучали. Он откликнулся, разрешая войти и оборачиваясь навстречу вошедшему.

— Вещи, Сеймур, – заходя, проговорила женщина приятной наружности, на вид ей около пятидесяти, весьма интересное лицо, тёмные волосы, ни одного седого. Глаза светло-голубые, такие водянистые, словно прозрачные, только радужка тёмная.

— Спасибо, Джини, – проговорил он удивительно мягко, точнее, не знаю, как объяснить, грубо, всё так же грубо, такая себе, я бы сказала, благодарность, но, судя по всему, для этого мужика – просто верх возможностей.

— Как ты собираешься дальше передвигаться? – поинтересовалась она.

— Не скажу, – ответил он. Грубо ответил, но женщина улыбнулась. — Но одну из твоих машин заберу, потом расскажу, где оставил.

— Как скажешь, – без раздумий согласилась она. — Тогда удачи, дорогой. Привет Дункану.

— А Маржери? – так уже привычно для меня прищурился мужчина.

— И ей передай, мне не жалко, – рассмеялась женщина, а потом, я поверить своим глазам не могла, но ущипнула его за ягодицу и вышла.

А он не отреагировал. Вообще. Повернулся ко мне, всмотрелся, точно зная, что не сплю.

— Вставай, рыбка!

— Она… ущипнула… – и я сама не поняла, зачем я снова сказала глупость какую-то, ведь могла бы сделать вид, что не заметила. Да?

— Она делает это с тех пор, как я родился, – совершенно спокойно ответил Сеймур. Разделяя вещи, которые принесла женщина. Мои от своих, вероятно. — Точнее, до трёх лет она щипала меня за зад, потом переключилась на щёки, а лет

в четырнадцать снова вернулась к заднице.

Он положил моё платье и что-то ещё.

— Она тебе бельё дала, а то испереживалась, как ты, бедняжка, без трусов будешь передвигаться, – ухмыльнулся он. — Вставай, одевайся, у нас времени до того, как рассветёт, не много.

Я хотела спросить, что такого в рассвете, но хотя бы понятно стало, что сейчас совсем раннее утро, и я спала несколько часов получается. С удивлением заметила, что выспалась. Вообще не помню, что мне снилось, точнее сначала было холодно и жутко, но потом отпустило и сон без сновидений, удивительно и отрадно. В этом хаосе, так тем более.

За окном, кажется, больше не льёт. По крайней мере, не слышно дождя, и небо перестало сверкать и грохотать, соревнуясь в суровости с порывистым ветром.

Немного поёрзав под взглядом мужчины, я всё же села и, прикрываясь одеялом, потянулась за вещами. А вот ему плевать на стеснение, он вообще без заморочек, разделся и стал надевать то, в чём был вчера. Но я отвернулась.

Помню, он мне сказал, что спиной ко мне поворачиваться не намерен, но это уже слишком, да и я же могу к нему спиной, не король вроде. Да и если захочет меня прибить, что мне с того: спиной к нему буду в этот момент или лицом?

Трусов не оказалось, но были такие трикотажные, мягкие, спортивные велосипедки, в отсутствие белья и погоды на улице – счастье!

Натянула платье, вспоминая про его жену. Но эти мысли утонули в других.

Вообще внутри моей головы бушевал такой ураган, похлеще той бури, которая смела меня. Физически и морально.

— Пошли, – поставил передо мной мои ботинки.

— Куда? – пропищала я.

— Ну, знаешь, до вчерашнего я очень даже рассчитывал добраться до Эдинбурга вполне безопасным путём, который не предполагал пересечения с теми, кто пытается меня прибить, но твой финт спутал мне все планы.

Я нахмурилась, не понимая.

— У меня есть парусная яхта, и добраться я хотел морем, но вот те раз – ты боишься воды до смерти, – пояснил он, разводя руками. — Сейчас время штормов не закончилось, что мне прикажешь с тобой делать? Я думал, конечно, в каюте запереть, но это не гуманно, вероятно.

И снова эта издёвка во взгляде.

— Так оставьте меня, – прошептала, действительно не понимая, чего это он со мной носится. Или что это такое?

— Об этом я тоже подумал, но ты… даже не знаю. Тебя кинь, такую ущербную, а рыси подберут и попросят рассказать, что ты обо мне знаешь.

— Но я ничего не знаю, – на глаза мне навернулись слёзы, я отвела взгляд от него, уставилась в пол. Невозможно стыдно за свою слабость и он прав – максимальное невезение по жизни и ущербность.

— А кому какое дело? – он поймал мой подбородок пальцами и заставил посмотреть на него снова. — Тем более, оказывается, окружающие кайфуют, причиняя тебе вред, тут вот тащиться будут, поверь, по полной. И не важно, знаешь чего или нет.

Я невольно сжалась, сглотнула.

— Я обещаю, что доставлю тебя в Эдинбург, тем более, есть небольшой шанс тебе отскочить, если меня завалят. Главное тверди всем, что я ужасный, страшный маньяк, похитил тебя, славную и милую. Даже не соврёшь.

И он ухмыльнулся, потом потрепал меня по волосам на макушке.

— Вставай, рыси охотятся на рассвете, а днём нам не скрыться от людей. Поедем на запад, а дальше разберёмся.

Я встала и поплелась за ним. Мне ничего не оставалось. Он пихнул мне на выходе свою парку, удивительно, но сухую. Сам надел толстовку, видимо, пара от спортивных штанов, что были на нём, когда он меня разбудил.

А ещё у него тот плед, которым он меня дома у себя накрыл, а потом приказал убрать в рюкзак. Тот самый, что он закинул на спину.

Но рюкзак же в машине валялся?

Я смутно помнила произошедшее вчера. Мы попали в аварию. И меня парализовало, когда пространство салона начала заполнять ледяная вода. Её было немного, но и этого хватило, чтобы я вернулась в тот страшный день, когда погиб папа. Это бурление воздуха на поверхности воды, эти крики людей, моряков, бегающих вокруг меня.

Воспоминание это утаскивало меня из самой себя.

Мама, несмотря на то, что называла всех психологов шарлатанами, а саму психологию – псевдонаукой, всё же отвела меня на приём, когда даже вода, текущая из крана, доводила меня, замораживая. Сама мама сначала просто приводила меня в себя лёгкими пощёчинами, но потом решила, что толку от этого нет, и отвела к "мозгоправу".

Доктор "псевдонауки" мне помог – вода в быту перестала делать из меня истукана, но море, бурные или широкие реки…

Со временем этот страх притупился, и смотреть на откры-

тую воду без содрогания я научилась, но войти в неё – нет.

Я глянула на мужчину, что молча управлял автомобилем, всматриваясь в дорогу. И я помнила, совершенно точно помнила, что он вчера не стал сражаться со мной и моим окаменением привычными для всех способами.

Он странно терпелив со мной, несмотря на то, что рычал, грубил и обращался без особых церемоний.

Вообще я никогда не жаловалась. Я привыкла ко многому. В том числе к издёвкам, мелкому пакостничеству, грубости и боли. И лицемерию.

Но Сеймур этот не лицемерил. Тут определённо – мужчина, сидящий рядом, такой, какой есть на самом деле.

— Рана кровоточит, – заметила я, когда обратила внимание на его правую руку. Из под бинтовой повязки на предплечье сочилась кровь.

Я живо вспомнила происходящее во дворе его дома. И те… рыси он сказал? Они его действительно серьёзно ранили.

— Ничего страшного, – отозвался он.

— Кто были эти… люди? – решилась задать самый главный вопрос. И, конечно, глупый. Да.

— Люди? – усмехнулся Сеймур. — Уверена?

— Я просто, – прикусила губу, глянула на него, он на секунду встретился со мной взглядом. Озорным таким. Ему чертовски весело. А мне не очень. Ни разу!

— А как сама думаешь? – снова вернулся глазами к дороге.

— О-оборотни? – пискнула я. Сама не веря, что такое говорю всерьёз. Это же какое-то чистейшее безумие!

— А почему так неуверенно? – продолжал издеваться.

— Ну, я просто… я всегда думала, точнее я не думала, но вроде как, оборотни это же волки… и…

И снова этот его прищуренный глаз, ухмылочка надменная…

Что мне сказать? Я просто не могла себя куда-то деть, невыносимо тяжело с ним рядом. Не могу перестать пытаться что-то высмотреть в нём или… да просто не могу и не смотреть.

Хочу домой, хочу куда угодно, но от него подальше.

Но глупая Мейси – ты хочешь к тем, кто пытался его убить?

Конечно, я не понимала, зачем он взял меня с собой, зачем вообще ему я. Или он считает, что я одна из них и прикрывается мною? Я что-то вроде гарантии?

Мейси? Какая гарантия? Чего? Кому ты нужна?

— Они же были рыси, – всё же добавила я. — И я никогда не видела рысей и… а вы, вы же, вы же…

— Медведь этот зверь вроде называется, – помог он мне с таким сарказмом, что не захотелось ничего больше знать.

— Медведи не живут на территории Шотландии, – заметила я, потому что знала об этом от папы, он когда-то рас-

сказывал мне.

— Так и рыси не живут, – усмехнулся Сеймур. — Уже больше десяти веков.

Я нахмурилась. Захотелось спросить, а кого ещё нет, и получается, что это как-то связано? Или не связано? А просто животные есть? Или, а волки? Или это только в фильмах и книгах? Или…

У меня сейчас голова взорвётся, но спросить язык не поворачивается!

— Давай, долго ехать, надо ж о чём-то болтать, – подначил меня мужчина, словно мысли прочитал. Хотя наверняка у меня на лице всё написано – никогда не умела скрывать, что думаю, и врать.

— Я не знаю, что спросить, – призналась я. — Точнее с чего начать спрашивать. Это так странно.

— Люди не верят в такие вещи, – достаточно спокойно ответил Сеймур, — но оно и понятно. Как вообще – человек, который может стать лисой. Или волком, или кабаном.

— А? – я уставилась на него открыв рот. А он рассмеялся и повёл рукой, чтобы пальцем рот мне прикрыть.

— Что?

— Не только рыси и мед…медведи?

— Не только, – согласился Сеймур.

— Столько оборотней? – выдавила я, даже не смогла уложить масштаб в своей голове.

— Мы не называем себя оборотнями, – пояснил он. —

Точнее не так. Обычно, идя на поводу у людей, называем, да, но здесь, в Шотландии, обычно всё же придерживаемся обобщённого – мы одарённые, те, у кого есть дар.

— Дар?

— Да… дар стать зверем. И одарённых много, это не только звери. Есть и другие.

— Кто? – если бы он на моих глазах не стал невероятно здоровенным медведем, я бы, конечно, не поверила ни слову, которое он говорит. Но… Правда, судя по всему, ему нравилось издеваться надо мной, шокировать, а потом смеяться от души над моей реакцией.

— Джини, – он повёл головой назад, — ведьма.

Я нахмурилась. Пыталась понять. Ведьма – это такая, такая женщина в балахоне с бородавками на лице, или такая вся из себя шикарная дама, с идеальным телом, на метле летающая? Или…

— Эй, – он защёлкал у меня перед глазами пальцами, — Хьюстон, приём, мы на связи!

— Очень смешно, – отозвалась я.

— Не зависай на этом, нас не так много, в сравнении с людьми, но и не мало. И показываться людям нам нельзя, но ты видела нас, так что, – он пожал плечами.

— Что? – и меня это напрягло.

Что со мной будет? Почему-то в голове появилось чёткое понимание, что мне конец. Ведь не говорят же о них на каждом углу, а значит…

— Тебя по-хорошему надо прибить, – и да, он сказал это так серьёзно, и так, даже не знаю, не сомневаясь в своих словах. Потом глянул на меня. Внимательно, словно сейчас и прибьёт, совершенно точно! А что ему стоит? Одна эта его ручища – шею мне свернёт и медведем становиться не надо.

Я невольно сжалась, потому что живо представила, как он от меня избавится всё-таки, но совершенно при этом не понимая, почему тогда не сделал этого раньше.

И когда я уже почти себя похоронила, Сеймур рассмеялся.

— Не ссы, рыбка, – проговорил, веселясь, снова переводя взгляд на дорогу, — пока не решил, что с тобой делать, но жалко же такую милаху валить, тем более девка ещё.

Я насупилась, невольно сжала сильнее ноги. Что ему моя девственность далась?

И тут я, дурочка, обратила внимание, что мы едем не в ту сторону. Мы проехали указатель, направлялись не на восток, а на запад.

— А мы едем не в Эдинбург? Я думала, – проводила я глазами указатель съезда на Киртоми.

— В Эдинбург, – подтвердил Сеймур.

— Но разве A9 не в другой стороне? Мы же едем не в сторону Терсо?

И у меня плохо с дорогами и прочим ориентированием – я всегда ездила по навигатору. Только город, где нужно свернуть с дороги, по которой мы с ним едем в сторону шоссе, куда надо свернуть, чтобы добраться до Эдинбурга, я помню

точно.

— Всё верно, рыбка, – подтвердил Сеймур, — только я туда не поеду.

— Но… а куда?

— Сначала мы едем в Лохинвер, – заявил он, а у меня снова рот открылся.

Это какой-то городок портовый? И мне стыдно, что я толком не знаю, чего там и как туда добираться. Без навигатора. Но Сеймур вообще не пользовался картами или навигатором в телефоне.

Стоп! Телефон! Где мой телефон?

Я беспокойно захлопала глазами, пытаясь вспомнить хоть что-то, но разве можно? Может он в рюкзаке?

— Ты куда-то спешишь? – спросил с усмешкой мой мучитель, иначе и не назвать.

— Я хотела быть в Эдинбурге ещё вчера, – с обидой отозвалась я.

— Будешь, я же обещал, но не вчера, и не завтра, скорее всего.

— Что? Почему?

Это немыслимо! Тут дороги на пару часов, а он говорит, словно… что он вообще делает?

— В Беттихилл на заправке остановимся, если там магазинчик открыт, то можем купить сыра, кофе. Поесть в городке не получится, скорее всего, с девяти открыто. Так что придётся потерпеть.

Я задохнулась от негодования, не знаю, вообще не понимала, что происходит!

— Послушай, – мы припарковались недалеко от заправки, и он повернулся ко мне корпусом, — ты озадачена, но я спасаю свою жизнь, равно спасаю, так уж вышло, и твою. Так что – тебя кто-то ждёт в Эдинбурге?

Я открыла было рот, чтобы ответить, но потом поняла, что, наверное, не стоит что-то говорить. Снова усмешек наполучаю.

— А где мой телефон? – вместо этого решилась спросить я.

— Чёрт! – рыкнул Сеймур, потом ударил по рулю. — А хрен его знает, где он.

— Но…

— Это плохо, – отрезал он. — Кому ты в итоге сообщения отравляла?

И я заупрямилась, понимая – с одной стороны, ему ничего не стоит узнать, но и… стыдно было ужасно.

— Рыбка? – позвал он, когда я надулась и вжалась в сидение, не желая отвечать на его вопрос. — Да чтоб тебя, это важно, рыбка! – гаркнул, нависая надо мной.

Сеймур схватил неприятно за подбородок, всматриваясь в глаза.

— Если телефон найдут, то и их найдут, и тебя найдут! Маккензи!

— Никому, – пискнула я. — Себе…

Ответила, а на глаза навернулись слёзы. У меня никого не было. Никто не будет искать Маккензи Морис, никто не опознает ни по носкам с медведями, ни без них уж тем более…

Глава 9. Сеймур

И что с этой рыбкой мелкой делать?

Смотрел, как пытается не заплакать, отпустил, сел нормально…

Себе она сообщение отправила — вот же, херня!

Это даже мне не понять. Я хоть и пять последних лет не общался ни с кем, только в день рождения Нокс звонил домой и на Хогмани. И всё, кажется. А не было бы этой балбески и не стал бы заморачиваться ни разу. Но ей было важно, словно до сих пор пять лет. И ведь она не сильно младше этой вот растрёпанной, почти рыдающей, испуганной девчонки.

Может, меня поэтому так в защитники потянуло?

Хотя, конечно, чего Нокс защищать? Она же тот ещё зверь – медведица у неё, будь здоров, свирепая. Да и сама Нокс отмороженная – МакАртур, что тут скажешь?

Но, тем не менее, что-что, а сообщение о том, что мне помощь нужна, я точно могу отправить и не одному только другу Торену, и навалит столько народа, что не продохнуть будет.

А тут – себе отправила. Вот засада!

Но телефон надо найти. И как я упустил такую важную вещь?

Вырулил в сторону заправки.

Заправились. Купили перекусить и кофе, хорошо, что денег взял наличкой у Джини, а то только не хватало картами своими светить – так меня моментом найдут.

Напрягало происходящее. Невообразимо. Всё всматривался нет ли хвоста за нами. Но вроде чисто.

Они, скорее всего, и так стоят на всех дорогах ближе к Эдинбургу. Ждут. Пусть ждут. Красоты родной Шотландии погляжу неспешно, а то давно развалин не видел и скал, твою мать, и приеду, развлеку ребяток.

И сначала надо собраться.

Тело ломило после драки и оборота. И хотя я не давал себе расслабляться эти пять лет, забивая на движение – могу даже сказать, что в предыдущие пять намного больше на диване валялся. Но всё же хорошей драки у меня не было очень давно, а тут толпа целая.

И главное, что они точно знали, что, скорее всего, их будет ждать смерть, а что может быть хуже берсерка в бою?

Да только несколько берсерков!

Ещё и раны плохо заживали. Крови потерял много, надо было отдохнуть, но куда там?

Решение ехать в тупиковый Лохинвер пришло не сразу, но сейчас вообще сомневался в правильности, потому что четыре часа дороги после такого невнятного отдыха, которые схватил у Джини, сложно. Только делать нечего. Кажется, и есть мы будем именно там.

Девочка притихла, а через какое-то время вообще уснула.

И, не доезжая до последней перед Лохинвером развилки дорог, остановился, чтобы позвонить из телефона уличного.

— Торен? – набрал друга.

— Ты там месиво устроил, Сеймур, – без приветствий заявил мне МакФэлан.

— Я? Да ладно, ничего такого, – фыркнул, пристально всматриваясь в спящую на переднем сидении тачки Маккензи.

— Согласен, ты и не такое творил, но для Страти и окрестностей это перебор.

— Там мои зачищали или Дункана?

— Там все зачищали, – вздохнул Торен.

— Надо поискать телефон девчонки, – попросил я.

— Там этих телефонов, – отозвался друг, — тоже скажешь угадывать, чтобы понять какой девчонке принадлежал?

— Не, он был в голубом чехле, и на нём подвеска была, с сердечком, – вытащил из памяти образ смартфона, когда она фотографировала на дороге права мои, — не думаю, что у кошаков такие были.

— Принял, передам.

— Узнал что про неё? – говорить и объяснять не надо, потому что МакФэлан со мной всю жизнь почти рядом, мы друг друга чувствуем, левые вопросы не задаём, просто делаем, если надо. А выпендриться можем только ради галочки.

— Кортни что-то узнала, да, подожди, переключу тебя, ты вообще в какой заднице? – Торен видимо попытался понять,

что за номер определился.

— В жопной жопе, красиво, мать её, озёра, поля, холмы, горы тут родненькие, – ухмыльнулся я.

— То есть, как в любой точке Шотландии? – ухмыльнулся друг.

— Точно так.

— Держи нос по ветру, Сеймур, – пожелал мне удачи Торен моим же выражением, которым обычно я ему удачи желал.

И переключил на Кортни.

— Привет, Сеймур, – услышал щебетание очаровательной засранки.

— И тебе, совушка, – поздоровался я. Её вида совсем у нас мало. Бережём, как можем. Но боец она отменный, а хакер так вообще непревзойдённый.

— Я так понимаю, что тебе не до банальщины всякой, как я рада тебя слышать и всё такое, поэтому перехожу к делу, – сразу загалдела она. — Маккензи Морис. Почти двадцать четыре года, живёт в Эдинбурге, мать Рита, учительница, умерла два месяца назад, болела, рак. Отец, Мэтью, известный фотограф, более того знаменитость в их кругах. Фотографировал животных.

— Хорошо фотографировал? – ухмыльнулся я.

— Да, отлично, пару наших нашла даже, – пошутила Кортни, смеясь. — Журналы всякие, премии получал, в таких жопах побывал, чтобы какую-то мышь сфоткать или птицу ред-

кую, герой, короче. Умер. Погиб. Утонул в Красном море.

— Что случилось? – вот это мне интересно.

— Тут без подробностей, написано, что несчастный случай, что с ним была дочь, ещё написано, что её спасли, а его нет. Странно. Но эти египтяне, у них тут в одном месте одно написано, в другом другое.

— Понял. Когда это случилось? – интересно стало, сколько было Маккензи, когда она прыгнула в воду, чтобы отца спасти.

— Девять лет назад, – дала ответ Кортни.

Не хрена себе… не удивительно, что её бьёт этим – пятнадцать лет всего малышке было. И получается, что она с этим вот замиранием от водички столько времени живёт?

— Что тут ещё, – протянула Кортни. — Ничего такого. Она работала в известной студии Эдинбурга, фоткала знаменитостей разных. Классные фотки, кстати, у неё, талантливая. По мне, конечно, я не понимаю в этом ничего.

— Друзья, знакомые?

— А вот тут, ты знаешь, интересно. Очень странное, – я хмыкнул, давая понять, что слушаю. — Почти три года назад она была такой себе обычной девчонкой, фотки в инсте, фейсбуке, активность в твиттере и снэпчате, а потом она пропала.

— Пропала?

— Ага, ничего – ни одного сообщения, ни одной фотки, – подтвердила совушка. — Ни одного ответа на вот эти дежур-

ные сообщения-поздравления с днём рождения, когда уведомление приходит, знаешь, и тебе пишут люди, которые в обычной жизни и не вспомнят эту дату ни за что. Да и тебя, зачастую, не помнят.

— Причина? – потому что, если Кортни заинтересовал этот момент, то наверняка и причину странности она искала.

— Я не нашла, точнее, был конкурс фотографии, и там участвовала фотка, подписанная М.Морис, и она победила, и мисс Морис обвинили в том, что это фотография её отца, а не её. Скандал, все дела. Премию забрали.

— Она не оспорила?

— Неа, но думаю, что она не из тех, кто обманывает, у неё правда классные фото. Но я подумала, что она от всех закрылась из-за этого скандала, однако решила проверить и нет, ушла из сетей и перестала общаться за полгода до того.

— Ещё что-нибудь?

— Неа.

— Родственников вообще нет? – и чего меня это так волнует.

Но задевало, задевало, чёрт!

— Из ближайших только кузина, дочь младшего брата Мэтью Мориса, её отца. Живёт не понятно где, вроде в Глазго. Но я ещё не уточняла сильно. Феона Морис, двадцать семь лет. Но, судя по всему, они не общаются. Если надо, я копну в эту сторону.

— Не надо, Кортни, спасибо, – отозвался, ведя головой.

— Там команда зачистки, скорее всего, доставит вам телефоны, если будет среди них телефон девчонки, придержи.

— Так это ты устроил замес на севере? – спросила она. — А то пришла сводка, и я такая – ничего себе, а, оказывается, это ты, тогда пф-ф-ф, ерунда.

Я рассмеялся.

— Ты чудо, Кортни!

— Ты тоже ничего, – кинула она дружескую ответку. — Про телефон поняла. Сделаю. Что-то поискать внутри?

— Нет, пока без надобности, – решил.

— Тогда удачи, босс! – рассмеялась она.

— И тебе не хворать, пташка, – не стал обещать, что увидимся, и повесил трубку.

Сел за руль, Маккензи проснулась, когда закрыл дверь.

— Мы приехали? – прошептала, хлопая сонными глазами.

И что ж меня так выворачивает внутри от этой мелкой костлявой диковатой девицы?

— Спи, ехать ещё час, – отозвался я. — Или нужна остановка? Поесть тут негде, поссать разве что.

— Нет, всё хорошо, – смутилась она.

Прёт её реакция, сил нет.

— Почему именно сюда? – пропищала девчонка, когда мы с ней добрались до городка и устроились, наконец, чтобы поесть.

— У меня здесь, можно сказать, родственники, – ответил я, хотя меньше всего хотел бы к ним обращаться, но если мест в гостиницах не будет, то ничего другого не останется. Правда, скорее всего, тут меня рыси не ждали бы, просто потому что побоялись связываться со здешними кланами, хотя они и не оборотни ни разу. — Да и тебе же нравится на красоты смотреть, ты тут была когда-нибудь?

Маккензи прикусила губу, потом тихо ответила:

— Нет.

— Давай, рыбка, что ты там хотела сказать? – ведь видел, что было что-то, но она боялась меня и потому замялась.

— Я… ничего, – надулась.

— Маккензи! – строго проговорил имя полное и это работало просто отлично.

— Красоты, да, – огрызнулась она, — а снимать не на что.

— Это ты сама виновата, – ухмыльнулся я, — нечего было о мою голову камеру свою разбивать.

Она покраснела не то от стыда, не то от злости, стала такая забавная, не могу – исчезли в краске едва проступающие веснушки на лице.

— Ладно, не плачь, рыбка, – не переставая улыбаться, проговорил я, — возмещу тебе.

Она ничего не ответила, только зыркнула на меня затравленным зверьком. Вспомнил разговор с Кортни и стало интересно, что же там такое с ней случилось, что совсем одна, без друзей.

— А… а можно… – тихо подала она голос, не поднимая глаз, — можно спросить?

— Спрашивай, – нам принесли, наконец, заказ.

— Эмм… – она посмотрела на девушку, которая принесла нам завтрак, улыбнулась, поблагодарила, дождалась, пока девушка уйдёт. Хорошо. — Просто, а почему меня надо убить теперь?

Я нахмурился.

— Ну, – пояснила девчонка, — если я расскажу кому-то, что видела, то мне же не поверят, скажут, что я сумасшедшая, разве нет?

— Не поверят только потому, что других таких, как ты, нет, – ответил я.

Вообще мысль о вероятности, что кроху надо будет пустить в расход, мне ни разу не нравилась. Явно жизнь благосклонной к ней не была, даже нет никого, кто бы расстроился, что её не станет. И эти глазища зелёные, и запах… что ж не так?

Мысли были, но не очень радужные. Вообще ни разу.

— То есть вы всех… эммм…

— Не всех, – не дал ей договорить, — кто-то приносит пользу, и они спокойно живут, пока не трепят о нас, пока верность хранят.

— И пока полезны? А если пользы нет, то и жизнь не сохранят?

— Медведи перестали показывать свой истинный облик

людям здешних мест в девятом веке, но в десятом веке, с объединением, появлением Альба, решили затаиться окончательно. Никто из нас отсюда не ушёл. Как и клан рысей, которых ты видела. Одарённые с нашим даром почти все сейчас скрылись, кроме лис, пожалуй, эти никак не угомонятся. Последними были волки. Их не видели в этих местах с восемнадцатого века. Мы храним наш секрет, хотя раньше все одарённые жили в мире с простыми людьми, помогали, используя способности, отсюда и столько легенд – друиды, маги и ведьмы, нежить всякая на земле и в воде, банши.

— Постойте, они существуют? – у неё округлились глаза.

— Да, дары бывают разными, но нынче все одарённые, живущие на территории, которая сейчас называется Шотландией, представляют собой закрытое общество, которое хоть и продолжает порой иметь дело с людьми, но всё же сторонится их. Но тем не менее кого из одарённых ты может быть даже знаешь очень хорошо.

— То есть как?

— Твои соседи, люди, у которых ты покупаешь продукты, встречаешь изо дня в день внутри своей жизни, – я пожал плечами. — Среди них могут и, даже скорее всего, есть одарённые.

Маккензи очень осторожно оглядела зал. Потом вернулась взглядом ко мне.

— Ешь, а то бариста, который из банши, орнёт тебе в ухо и дух вышибет! – сказал серьёзно.

И… этот взгляд! Кажется, я подсел на это!

Рассмеялся, а она надулась на меня, разозлилась так по-детски, мило и очаровательно.

Чёрт, не смогу пустить её в расход, если мне придётся!

В гостинице отличной места были, что не могло не радовать. У меня желание проспать часов двадцать, не меньше. Только вот что делать с этой миловидной крохой, которая ведь свалит от меня, как только я отвернусь?

Не строил иллюзий, что она настолько напугана или здравомыслие в ней сохранилось, и осознаёт, что со мной безопаснее. Может и понимала, но не настолько. Тем более внутри меня всё передёргивало, когда она находилась рядом. И не могла не чувствовать этой угрозы, исходящей от моего монстра – человек тот же зверь, и даже жертва, пойманная хищником, сражается до последнего.

И вот тут, вспоминая её после того, как попала в воду – покорность предсмертную – хотелось проверить, отпустило или всё ещё плохо дело.

— Пошли, – потянул её в ванную комнату.

— А? – начала упираться.

— Так, мне надо помыться и отдохнуть, не нервируй меня, рыбка, – и я перевалил её через плечо, стянул с неё ботинки на ходу, затащил в ванную комнату. — Сядь и сиди, – устроил на толчке. — Не рыпайся. Хочешь присоединиться, так не вопрос.

— Не хочу, – надулась она, складывая руки на груди. — И сидеть тут не хочу! Почему? И вообще…

Я стянул футболку, штаны, она покраснела и отвернулась к окну.

— Там могут олени быть, знаешь? – спросил я.

— Вот и отпустите меня на них смотреть, а не…

— А я тебе чем не нравлюсь?

— Это… – задохнулась в возмущении девчонка, глянула на меня, но снова покраснела и отвернулась.

— Прости, рыбка, но не собираюсь терять тебя из виду, глаз не спущу, так что придётся поразвлекать меня, пока отмокнут повязки, – и ведь действительно зудело, на руке вообще марля вся кровавой стала, на спине даже представить не мог, что творилось.

— Развлекать?

— Раз сидеть тут со мной в водичке не хочешь, петь тебя не заставляю, байки травить тоже не обязательно, – ухмыльнулся, морщась от неприятного пощипывания там, где вода попадала в раны, — но расскажи, как дожила до таких лет и всё ещё не трахнулась ни с кем?

Маккензи смешно открыла рот, хватанула воздух, надулась. Настоящая рыбка.

— Не твоё дело, – возмутилась она, задыхаясь, отвернулась уже корпусом.

— Принца ждёшь?

— Да уж не… вот, – она показала на меня рукой, — точно!

— А чем я тебя, как принц, не устраиваю?

— Потому что огромный, грубый, злой и бестактный! — пробурчала она.

— Да ладно, – усмехнулся я. — Крови не той. И коня нет? Прости, сожрал, – ответил я и рассмеялся. — А ты, наверное, фанатка принца Гарри?

— Неправда! — возмутилась Маккензи.

— Рыдала, когда он себе, как там её, ну вот эта его жена…

— Мэган, – буркнула девчонка.

— А говоришь, что неправда! – поддел, угорая от её отрицания.

— При чём тут… Что? Все знают, как её зовут! И с чего вдруг я фанатка принца Гарри?

— Потому что даже моя сестра сходит по нему с ума, и рыдала, когда он на этой своей, Мэган? Да? Вот, женился. Пару суток стенала в подушку что-то вроде “эта стерва ему не пара!” А сестра, хочу заметить, вдвое его младше!

— Твоей сестре двадцать? – уточнила Маккензи.

— А говоришь, что не фанатка! Как жену зовут знаешь, сколько ему знаешь, даже дату рождения, наверное, назовёшь, – продолжал над ней издеваться.

— Да ничего подобного! – сопротивлялась изо всех сил рыбка. — Все знают, сколько ему лет!

— Я не знаю, – ответил. — Как эта информация мне в жизни поможет?

Она открыла рот, потом закрыла. Смешная, правда, сил

нет.

— Сможешь снять? – я повёл головой назад, имея ввиду повязки на спине.

Маккензи опешила, прикусила губу, потом неуверенно кивнула. Сделала ко мне шаг, осторожный такой, словно сейчас сожрать её попытаюсь. И признаться, была именно такая мысль, потому что не мог ничего с собой поделать, хотелось её… дьявол… обижать?

Вспомнил слова Джини о том, что малышка притягивает уродов, которые делают ей больно.

Вот же, твою мать, бля, и я такой же?

Она осторожно стала снимать с меня пластыри, фиксирующие повязку.

— Давай, не стесняйся, рыбка! Сорви и дело с концом.

— Просто… больно же будет, – прошептала девчушка.

— Не будет, дёргай, – она подцепила пластыри, всё равно неуверенно потащила на себя, и я резко повёл корпусом вперёд, срывая повязки.

Девчонка всхлипнула, словно я с неё их сорвал.

— Сильно там?

— Да, – отозвалась она, замирая на ране, ручки тряслись, губки тоже.

— Насколько сильно? – уточнил, оборачиваясь к ней.

— Вот так, – показала она мне руку с растопыренными пальчиками.

— О, это не сильно, – отмахнулся я, погружая рану в воду.

— Корки сошли?

— Да, кровь течёт, – прошептала Маккензи.

— Хорошо, – умылся, открывая воду и спуская грязную, ставшую розовой. — Пошли лечить. Кстати, твою тоже надо посмотреть, – заметил, вставая.

Она тронула рукой шею, снова смущаясь и отворачиваясь от меня.

Как ни странно, но девчонка собралась и хоть и аккуратничала, но обработала раны на спине и помогла забинтовать рану на руке.

— Теперь ты, – я обернулся к ней, снял пластырь, с облегчением видя, что несмотря на наши приключения, рана начала подсыхать. Обработал и заклеил новым пластырем. — А теперь остальное в рюкзак убирай, – дал указание и, собрав мусор, пошёл в ванную, чтобы выкинуть. Вернулся, а она сидит в обнимку с рюкзаком и рыдает.

— Рыбка? – и вот уже какой раз вижу эти её слёзы, но снова передо мной маленькая девочка, хрупкая до невозможности. Подняла на меня глаза, чистые, прозрачные, внутри всё скрутило. — Что случилось?

Она попробовала сказать, но не получилось, протянула мне руку с этим её китом-убийцей дурацким, которого я из машины забрал.

— Да что ж такое, – сделал к ней шаг, садясь рядом. — Что тут-то не так? Знал бы, что ты рыдать так будешь, оставил

бы его…

Но она замотала головой, пытаясь сказать, сжимая со всей силы эту игрушку свою.

— Что, малыш? – погладил по лицу.

Не хотел трогать её, потому что меня от прикосновений к ней херачило нещадно, боялся не сдержаться, смести её в преисподнюю, откуда сам определённо в этот мир явился.

— Это… это… она… это, – никак не могла справиться с волнением и слезами Маккензи, — папа подарил, у меня… у меня ничего не осталось от папы… только Рокки и камера… теперь только это, – она показала кита.

И это невозможно сложно ей оказалось проговорить.

Меня скрутило, хотел обнять, но держался. Да только она сама подалась вперёд и обняла меня.

— Спасибо, Сеймур, – прошептала, а я обнял в ответ и понял, что очень зря всё это сейчас случилось… очень зря…

Маккензи тёплая, хрупкая, невообразимо нежная девчонка, ну что мне с этим делать?

Аромат её, только мой, только во мне всё переворачивает – точно теперь знаю. Потому что обнимаю, и зверь внутри меня сходит с ума, почти на грани оборота. Держусь из последних своих сил, которых нет… чтоб меня, дьявольщина – нет у меня сил!

— Тише, – погладил по волосам, пытаясь оторвать её от себя, пытаясь восстановить ход мыслей, вернуться в точку сохранения. Но, кажется, нет её. Я и точку невозврата про-

летел уже.

Заглянул в эти её невероятные глаза, взгляд наивный, рвущий меня на части. Глаза, полные слёз и такого света, мне и не снилось, да мне и не положено. Я монстр, а она нет – светлячок… и то, что я рядом, что не могу себя сдерживать, что мысли появляются – это неправильно.

Не надо так с ней. Не надо вообще.

Но сам не понял, как губами коснулся её глаз, вытирая пальцами слёзы с щёк:

— Не плачь, рыбка, – попросил так мягко, как умел.

Когда-то же умел…

И поцеловал. Прижался к мягким, влажным и солёным от слёз губам.

Сорвался нахрен… хана тебе, Сеймур… и ей теперь не вылезти.

И руки эти её, тоненькие пальчики на моей коже, выжигали, будто оставляли следы ожогов, что проникали внутрь, кипятили кровь без пощады.

Мне не вернуться, а если она поддастся. Если не скажет “нет”… ну же, малышка, давай – я же страшный, грубый, злой медведь, ты же умираешь от страха, когда я рядом.

Но чувствовал, ждал и понимал, что она никак не отстраняется, целовал, слегка прикасаясь, надеялся, давал возможность опомниться и свалить от меня. Я приду в себя, смогу унять, а вот так – нет, не получится.

И не получится, потому что…

— Сладкая, до одурения, – прошептал, переходя на хрип, встретился с её взглядом затуманенным, влажным из-за слёз.

И двинул вперёд, подмял под себя, целуя сильнее, жёстче, забирая дыхание, стон, сжигающий мои предохранители, спуская с цепей всё, что охраняло её от меня, что стремилось к ней, такой вкусной, такой нереальной.

Вот почему думал, что приворот, потому что голову повело дурманом, а она тянется за мной. Зверь чует её желание, влагу между ног.

Блядь. Конец.

— Останови меня, рыбка, – почти простонал я, надеясь на неё, не в состоянии сам остановиться.

Да только где там моя рыбка? Уплыла… Получил стон ещё, и ещё, когда рукой провел по ноге, забираясь под платье.

— Маккензи, – попробовал снова отрезвить её и себя.

Она распахнула на меня глаза.

— Бля, сожру тебя, рыбка! – прорычал, утопая в этом пьяном тумане её глаз, полных желания. Не отрезвил её ни разу, потому что она схватилась за меня сильнее и сама прижалась к губам.

Сожру.

Глава 10. Сеймур

Рыбка нежная. Славная девочка. Маленькая. По сравнению со мной…

Ей сносило голову, как и мне, она вообще не понимала, что происходит, но я вёл рукой по коже мягкой, тёплой, а она прижималась сильнее, искала этого прикосновения, и меня выдалбливало внутри до основания – хочу, но нельзя, нельзя же…

И сносил все эти “нельзя” один только едва уловимый выдох и почти невесомый, неуловимый стон, словно она боится сама себя.

Но и что было у этой девочки?

Я не мог знать, насколько малышке было плохо в этой её жизни до того, как я всё смял своей, столкнувшись с ней.

Мне до боли стыдно, что я появился на её пути, вот за это я хочу попросить прощения. Только за то, что встретившись со мной, всё вокруг неё наполнилось грязью и стало пахнуть смертью. И нет уже дороги назад, и изменить я не могу ничего – вот так и никак иначе. Но сейчас прикасаясь, целуя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.